

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написала эту книгу с любовью к армии и одновременно с печалью. Как разительно отличается современная армия от той, в которой я служила! Призыв на военную службу стал пугалом. Матери сыновей боятся его как огня. А было время, когда провожали сына служить с надеждой: «Парень-то он хороший, да разгильдяй маленько, авось, армия исправит». И исправляла. Приходил домой ответственный сознательный гражданин своей страны. И никакого мордобоя, только достоинство и честь.

Я служила в такой армии. И хочу познакомить молодёжь с обстановкой в нашей части. С бытом и нравами, взаимоотношениями и настроениями. Мне довелось служить в двух частях – в радиобатальоне и на центральном радиоузле. Везде служба проходила нормально, без каких-либо эксцессов, хотя требования к воинской дисциплине были обычные.

Я не ставила своей задачей изложить хронологическую историю частей. Это уже сделали другие люди. Я намеревалась передать саму атмосферу службы и описывала в основном то, чему сама была свидетельницей или участницей, или, в крайнем случае, приводила рассказы участников событий. Имена везде подлинны, за исключением моего собственного. Конечно, лет прошло много, и память меня порой могла подводить. Прошу у читателей извинения за возможные ошибки или неточности.

Больше всего смущает меня эпизод с гауптвахтой, когда командир роты курсантов отправил на гауптвахту одну из курсанток, а комендант гауптвахты арестовать девушку отказался, сказав, что детей на гауптвахту не сажают. Случай этот подлинный. Но была ли это Мыскова или кто-то другой, я точно не помню. Но уж очень не хотелось выбрасывать из книги такой эпизод, очень характерный для того времени.

Пожилые, с многолетним жизненным опытом мужчи-

ны говорили мне, что армейские годы их службы были самым благодатным временем в их судьбах.

ХВАТИТ ПРИБЕДНЯТЬСЯ!

*Мы счастливые люди,
Старики и старухи.
Пусть о нас так и судят
Наши стильные внуки.*

*Нам беда – не беда,
Нищета – не в укор.
Той Победы звезда
Светит нам до сих пор.*

*Скоро память споёт
Нам на вечный покой, –
И тогда не умрет
Слава жизни такой.*

*Право имеем гордиться собой,
Нашими силами выигран бой!
Выполнило наше поколение
В истории своё предназначение.*

ОТДЕЛЬНЫЙ РАДИОБАТАЛЬОН

Январь 1942 года.

Через десять дней после Нового года Марина с вещами вместе с другими призванными явилась на вокзал.

Уезжали из Москвы днём. Ночью поезда не отправляли из-за ночных налётов немецких самолётов. День был пасмурным. Толпа народа на Курском вокзале укутана морозной дымкой. Хорошо можно разглядеть только ближайших соседей. Подали состав-гусеницу из товарных вагончиков. В щелях полов вагонов застряли соломины, слабо пахло лошадьми. Говорили, что состав только что вернулся с линии фронта. Отвозил туда конницу.

Марина стояла в толпе у вагона вместе с родителями. Доносилось чьё-то аханье по поводу того, что поезд не пассажирский. Марина неприязненно подумал: «И чего разволновались? Не в пионерский лагерь едем. Очень даже хорошо, что всерьёз, по-фронтовому, без нежностей».

У мамы были красные глаза, но она не плакала. Марина чувствовала к ней за это особую жалостную нежность. Отец, как всегда без перчаток, несмотря на сильный мороз, почему-то вдруг обнаружил у себя сильный насморк и несколько раз вынимал носовой платок.

– Пиши, дочка, почаще. Мы будем очень ждать твоих писем.

Дочкой папа называл Марину только в минуты очень большой нежности или когда бывал ею особенно доволен.

– Не простудись, Мариночка, ноги в тепле всегда держи.

– Ладно-ладно, не простужусь, – Марине хотелось скорей вырваться из-под маминой опеки. Уж ехать бы быстрее, чего тянуть!

Состав дёрнулся: прицепили паровоз. От вагона к вагону волной прокатился перекатывающийся лязг буферов.

Густая толпа на перроне непрерывно двигалась. Одни прищипывали носы от мороза, другие похлопывали рукавицами, третьи влезали в вагоны и выпрыгивали обратно. Кто-то бродил вдоль поезда, искал знакомых. Проходили провожающие, продирались сквозь толпу командиры, прокладывали себе путь железнодорожные служащие с инструментами в руках. Кругом целовались, плакали, смеялись, хлопали друг друга по плечам. Марина вдруг как будто спохватилась:

– Пап, и как это вы вдруг без меня останетесь? Трудно вам будет.

– Ничего, дочка, о нас тебе беспокоиться не надо, мы проживём. Сейчас всем трудно. Иди своей дорогой, не оглядывайся ни на кого. Даже на нас.

Такую длинную и прочувственную речь отец, наверно, не произносил никогда в жизни. Пришлось ему ещё раз лезть за носовым платком. А у Марины обдало жаром сердце: какой молодец у меня папка!

Товарные вагоны кое-как переоборудовали для перевозки людей. От стенки к стенке настелили дощатые полки, что-то вроде нар. На них было немного теплее, чем на полу, где дуло из всех щелей. Печек не было. Пока прощались у вагона, более расторопные девчата заняли все места на полках, и Марина с Гулькой устроились на полу.

Только в поезде стало известно, что едут они в Горький, в школу радистов для партизанских отрядов. Называлась она – 40-й ОЗРБ (Отдельный запасный радиобатальон).

Сказать, что в вагоне было холодно – ничего не сказать. Уже много дней погоду можно было определить только словами «трескучий мороз». Вагон промёрз так, что доски пола казались холодными, как железо. Сколько ни подкладывали себе девчата подстилок, стужа всё равно прокалывала их своими иголками. Коченели руки и ноги, не сгибались пальцы. А если попрыгаешь немного, согрешься, то потом мороз прихватывал с новой силой. Так

ехали несколько дней. К удивлению, никто не простудился.

В последние сутки Гулька перетащила Марину в соседний вагон, где ехали санитары с фронта на учёбу в тыл. Казалось немного странным, что среди них не было ни одной женщины. А может, они совсем и не санитары, а имеют какое-то секретное задание? Их дело. В большинстве своём немолодые «санитары» отнеслись к девочкам очень сердечно. Они устроили девчат около раскаленной печки-буржуйки, куда непрерывно подбрасывали кусочки угля, накормили из солдатского котелка пшённой кашей с пылу с жару и напоили хорошо заваренным чаем с настоящим сахаром.

А уж как пели они, эти «санитары»! Стройно, на голоса, и звонкие сопрано девушек посверкивали среди басов и баритонов, как блёстки-звездочки на глубокой синеве вечернего снега.

В Горьком эшелон встречали. К вагонам, где ехали москвички, подошёл военный с петлицами младшего лейтенанта. Рыжая голова его со скуластым рябым лицом, что называется топорной работы, увенчивала длиннорукое плотное тело.

Под нависшими жёлтыми кустиками бровей весело шевелились глубоко посаженные маленькие глазки-шильца. Узенькие глазницы-щёлочки и лягушачий рот постоянно держали улыбку, и весь младший лейтенант казался до неприличия несерьёзным, как будто всё время подтрунивал над окружающими. Зычным голосом он подал команду:

– Выходи строиться! Быстрла! Быстрла! Отставить рлазговоры! – он говорил так, как будто у него во рту камешки перекачивались.

Девчата толпились в дверях, пересмеивались. Выпрыгивали из вагонов, разминали затёкшие ноги, жмурились. После вагонных сумерек яркая белизна снега слепила глаза. Одна за другой девушки подхватывали свои вещички и

выстраивались в линию, даже отдалённо не напоминающую прямую. У одних на спинах были вещевые мешки, другие держали в руках чемоданы, а третьи расположили пожитки у своих ног, кому как вздумалось: справа, слева, спереди и сзади. Улыбка у младшего лейтенанта распахнулась еще шире:

Здание, где размещался 40-ой отдельный запасной радиобатальон. Горький, Сормово.

– Ай да девчата! Хорошо построились. Равняйся!

Девчата чуть шевельнулись, но зигзага не выправили. Он не стал придирается.

– По порядку номеров рассчитайсь!

– Первый.

– Второй.

– Третий. – На десятом сбились.

– Отставить! Снова. По порядку номеров рассчитайсь! Сбились на третьем десятке.

– Отставить!

Снова расчёт. На этот раз довели до конца. Оказалось

восемьдесят два человека.

– На первый-второй рассчитайсь!

Начали расчёт. Запутались.

– Отставить! На первый-второй рассчитайсь!

Рассчитались.

– Ряды вздвой!

Смотрят на командира, улыбаются, переговариваются и стоят на месте. Три человека попытались выполнить команду, увидели, что остальные стоят и вернулись обратно в линию. Только что принявший почти серьёзный вид младший лейтенант опять заулыбался.

– Не умеете? От вояки! Ничего, научим. Ты вот, чернявая, давай сюда, а ты сюда. А дальше так становитесь. Вторые номера в затылок первым. Девчата топтались на месте, строиться в две шеренги не торопились.

– Давай-давай, становись, не бойсь. Он прошёл вдоль шеренги, за рукава вытаскивал вторые номера и ставил их в затылок первым.

– Вот так добре будет. Там и стойте. Ещё раз вздвоить ряды у вас разумения, видно, не хватит.

Он прошёл вдоль редкого кривого строя и перетянул пары на новые места – установил девчат в четыре шеренги.

– Сомкнись!

Это они поняли. Подтянулись.

– Нале-е-е-во!

Одни повернулись налево, другие – направо. Продолжительное шуршание ног.

– Налево была команда.

Пошаркали ногами, исправились.

– Вперё-ё-д шаго-о-ом марш!

Девчата зашевелились, начали надевать мешки, перекладывать вещи из руки в руку, покачиваться, примериваться. Наконец двинулись.

Мороз стоял свирепый. Хоть и недолго строились у вокзала, всё же успели замерзнуть. Кто оттирал нос, кто ухо.

Кто махал окоченевшей рукой. Ряды спутались, колонна растянулась.

– Шевелись, шевелись, девоньки, не отставай.

– Далеко нам идти? Вещи-то тяжелые.

– Ничего, не бойсь, ещё километров пятьдесят, и дома будем. Всего и делов-то!

– Нет, правда, далеко?

– Говорю, пятьдесят километров. Так и распределяйте свои силёнки.

Но пятидесяти километров не оказалось. Очень скоро в виду красного громоздкого здания младший лейтенант скомандовал:

– Левое плечо вперёд!

И добавил по-штатскому:

– Направо, направо заворачивай. Эй, направляющие, впереди которые, чего зеваете! Направо надо. Вот в этот дом и идите.

После быстрого оформления девушек отправили в баню, а потом, чистеньких и розовых, повели в казарму.

Казарма женской роты представляла собой большой зал, занимавший почти весь этаж бывшей средней школы, где разместился 40-й Отдельный запасной радиобатальон. В конце зала на возвышении устроена сцена. Весь зал и сцену занимали дощатые двухэтажные нары. Новоприбывших поместили на сцене. Им предстоял двухнедельный карантин, когда не разрешалось уходить за пределы сцены и общаться со старожилами. И на эти две недели не полагалось постельных принадлежностей. Спали на голых досках.

Маринино место оказалось на втором этаже. Гулька спала внизу. Это было удобно. Если надо поболтать или написать письмо, можно устроиться у Гульки.

На другой день всем новеньким сделали профилактические прививки. Об этих прививках ходили страшные рассказы и на фронте, и в тылу. Утверждали, что они предохраняют не то от шести, не то от пятнадцати болезней, а

сами по свирепости хуже их всех вместе взятых.

Марина с виду храбро подставила фельдшеру спину, и он вкатил ей под лопатку чуть не пол-литра снадобья. Под лопаткой сразу заболело, а на спине вздулся здоровенный желвак.

В эту ночь Марина, Гулька и все девчата в полной мере оценили удовольствие спать на голых досках. К вечеру у всех поднялась температура. Болело уже не только под лопаткой, а разламывалось всё тело. До спины нельзя было дотронуться. Голова раскалывалась. Как ни ложись, всё было жёстко, в любом положении больно. Повернуться и найти удобную позу – тоже больно. Большинство не спало всю ночь.

Утром, в семь часов:

– Подъём! Выходи строиться на зарядку!

В ответ – сплошной стон:

– Мы не можем. У нас температура.

Маленький седой старшина неумолим. Бодрым голосом он утешает:

– Ничего, девоньки, заживёт. Побегаете на морозце, помашете руками – быстрее укол разойдётся, скорей поправитесь. Вставайте-вставайте. Вся рота уже построилась. За вами дело.

– Не пойдём.

– Как это не пойдёте?

– Так вот. Не пойдём – и всё.

Переговоры вела в основном Катя – толстая краснощёкая дивчина, вся в кудряшках.

Остальные молчаливо поддерживали её.

– Не пойдёте – я командиру роты доложу.

– Ну и докладывайте.

Старшина ушёл и через несколько минут привёл командира роты – высокого костлявого старшего лейтенанта Артюхова с длинным худым лицом, которое украшал крупный, правильной формы нос.

– Ну, что тут у вас стряслось?

– На зарядку не идут, товарищ старший лейтенант.

– Почему?

– Не хотят. Не пойдём, говорят, и всё.

Девчата возмущённо загалдели. Катя крикнула:

– Мы не можем, а не «не хотим». Уколы у нас, больно.

– Больно? Видно, не очень больно, если так кричать можете. Если бы по-настоящему болели, головы не подняли бы. Имейте в виду, надо больше двигаться, чтобы быстрее рассосался укол. Особенно руками и больше всего – левой. Ладно, старшина, на зарядку пусть не идут, всё равно рота скоро вернётся, а остальной распорядок дня должен быть выдержан точно.

– Есть, товарищ старший лейтенант. Значит так. Умоемся, позавтракаете, а потом двадцать человек – в наряд на кухню картошку чистить. Остальные – на уборку двора и на лестницы.

Ответом был дружный жалостный стон. Но ничего не поделаешь – армия есть армия.

Марина с Гулькой попали на кухню. Девчата, охая, принесли из сарая во дворе четыре мешка картошки, сели по пять человек у каждого мешка и начали чистить. Картошка была не просто мороженная, она вся превратилась в ледышки. Держать их было невозможно – отмерзали руки, а кожа не сдиралась никакими средствами. Поэтому насыпали картошку в таз с водой. Верхний слой картофеля оттаивал и поддавался ножу. По рукам текла холодная грязная жижа, пальцы леденели, и девушки отогревали их дыханием. Кому досталась уборка во дворе, те ломami скалывали лёд. Кто убирался в помещениях, швабрами мыли лестницы. После работы многие девушки пластом лежали на нарах и не пошли ни обедать, ни ужинать. Марина сходила в столовую и принесла ужин Гульке, но чувствовала она себя отвратительно. Голова болела так, что трудно было поднять веки, а проклятые доски врезались в тело, как ты на них ни вертись. Марина не чувствовала себя несчастной и не вспоминала о доме – ей было не до того. Каждая кле-

точка её существования просила, требовала, жаждала покоя, почти небытия. Боль была разлита по всему телу и особенно сильно, как молотом, стучала во вздувшейся, как подушка, спине. Левую руку, казалось Марине, она не смогла бы поднять даже под угрозой смерти.

Тупое уныние царило на сцене. Девчата лежали, закрыв глаза. Слышались вздохи, оханья, скрипели доски, кажется, кто-то тихонько плакал. Вдруг послышалась тихая-тихая песня:

*Присядь-ка рядом, что-то мне не спится,
Письмо я другу нынче написал,
Письмо в Москву, в далёкую столицу,
Которой я давно уж не видал.*

В песне стояло: «ни разу не видал», но девушки пели по-своему. Вот вступил еще голос:

*Пусть будет ночь, пускай погода злится,
Пускай вступает сон в свои права,
Но я не сплю в дозоре на границе,
Чтоб мирным сном спала моя Москва.*

Марину сначала рассердила песня. Ей хотелось, чтоб не мешали болеть. Но попросить, чтоб замолчали, она постеснялась и решила потерпеть. Авось, скоро самим надоест. Песня между тем ширилась, наливалась силой.

*В боях грядущих и в ночных привалах,
В степи далёкой и в глухой тайге,
Чтоб сон пропал, чтоб прочь ушла усталость,
Товарищ, вспомни о родной Москве.*

Потом запели:

*Москва, Москва, коротенькое слово,
Но на войне проверены слова,
И всё, что есть на сердце дорогого,
Вошло в два слова – Сталин и Москва.*

Уже пели многие, уже никто не хотел прекратить песни, и Марина тоже пела в душе, не присоединяя пока своего голоса к хору. Но боль уже отступала, уже не хотелось сказать "перестаньте", а, наоборот, думалось: хорошо по-

ют. Потом спели «Если завтра война», «Броня крепка, и танки наши быстры». Когда зазвучало суровое «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой», многие девчата уже сидели на нарах.

Потом опять пошла лирика – «Я на подвиг тебя провожала». Старую комсомольскую песню времён гражданской войны «Дан приказ ему на запад» пели уже все. А когда грянули «Калинка-малинка моя», толстая Катя соскочила с нар и пустилась плясать. С топаньем, гиканьем, свистом она выделявала такие коленца, как будто не было у неё подушки на спине от укола и температура не поднялась до 39, и голова никогда в жизни не болела. Доски пола скрипели и гнулись под её тяжестью, вся сцена ходила ходуном, а она плясала, и к ней прыгали с нар другие девчата и крутили ногами и руками, и летали вприсядку, хотя полчас назад им казалось, что они не могут пошевелить даже пальцем.

На шум пришли старшина и командир роты. Они смеялись и приговаривали:

– Ай да молодцы, ай да москвички!

А девчонки бесновались. «Калинку» повторяли до бесконечности. Плясали почти все, в толчее задевали, случалось, друг друга и по спинам, но никто не обращал на это внимания. Кто пел, кто топал, кто хлопал в ладоши, кто гикал. А нашлись еще и удалые девчата, что подсвистывали пляске таким лихим разбойничьим свистом, каким не всякий парень свистеть умеет. Даже Артюхов и старшина хлопали в ладоши в такт пляске. На другой день все чувствовали себя почти совсем здоровыми. Жизнь вошла в нормальную колею.

Подъем в шесть утра. На зарядку без пальто. Потом, когда выдали форму, на зарядку бегали в гимнастёрках без ремня. Одевали только варежки и шапки. Мороз под тридцать градусов. Пока стоишь, делаешь упражнения, замёрзнешь совсем. Зато потом, как обежишь все Сормово, сразу тепло станет. С зарядки приходили весёлые, разогре-

тые.

Москвичкам что-то долго не выдавали форму. Марина ходила в тёмно-синем лыжном костюме, который сшила ей мама еще до войны. На лацкане всегда был привинчен значок «Моряк», подаренный ей Ситновым. Это был не просто подарок. Марина имела на значок полное право. Она сдала все нормы, какие требовались для получения значка. Сдали тогда многие из экипажа. Но значков всё не привозили. Был единственный у Ситнова, который тоже в своё время сам его заработал. Это-то значок Ситнов и подарил Марине. Благодаря значку и костюму Марина и в своей роте, и у ребят оказалась очень заметной. Но она отличалась не только внешними приметами. В первые же дни по приезде она написала своим друзьям сразу двадцать два письма, чем и прославилась на весь батальон. Старшина даже поворчал на Марину, что нельзя одному человеку в таком количестве почту загружать за государственный счёт, но письма всё-таки принял.

Зато ответы Марина получала, как из рога изобилия. Очень хорошо написали Цыплёнок, Борька Сцепура. Он уже был во фронтовой части и с удовлетворением и гордостью перечислял всех ребят из военно-морского кружка, кто пошёл в армию. О Марине он написал, что никогда в ней не сомневался, всегда был уверен, что она первая пойдёт, если будет надо.

Марина очень была довольна Борькиной похвалой и даже почувствовала себя немного неловко. Борис невольно перехвалил ее. Он ведь не знал, что она вначале решила идти в армию потому, чтобы потом, после войны, её, девчонку, взяли во флот как заслуженного человека. Но не сознаваться же в этом Борьке! Да и когда это было! Марина просто описала свое житьё-бытьё и стала ждать ответного описания от Бориса. Однако ее «треугольник» вернулся с пометкой: «За невозможностью доставить адресату». Марина поняла: Борька погиб. Потом ей подробно написала об этом Аня.

Ещё не кончился карантин, когда Гульку отправили домой в Москву. Оказалось, что её мать была французской подданной, и Гульку в части, где готовили разведчиков, не имели права держать. Марина осталась без подруги.

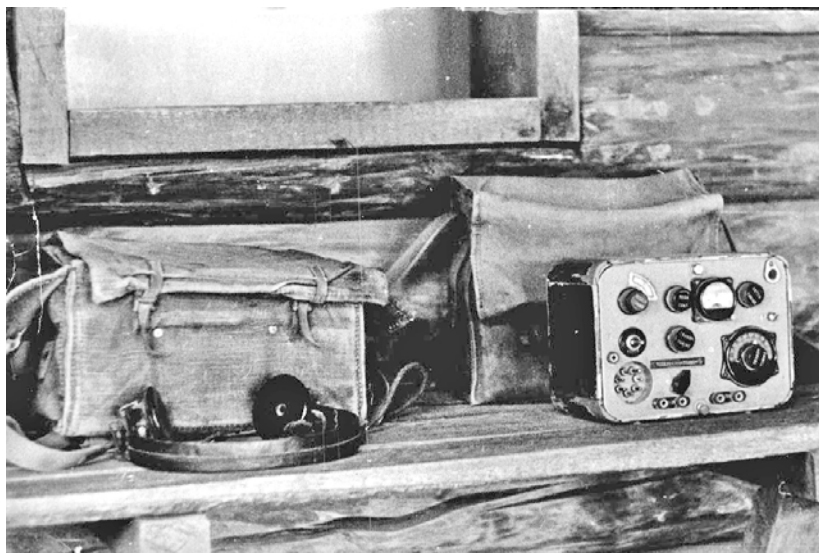
Как-то в батальон приехали парикмахеры. Девушки отправились стричься. Они считали, что на фронте длинные волосы им помешают. Марина отрезала свои косы и стала похожа на очень симпатичного мальчика.

Вскоре после этого в батальон приехали шесть девушек-фронтовичек. Все они имели длинные волосы, а у троих были чудесные косы. Фронтовички вели себя очень развязно. О них говорили, что им пришлось быть разведчицами в глубоком немецком тылу. Им приходилось идти на всё, чтобы завоевать доверие немцев. С короткими волосами это было бы невозможно. Хотя Марине и было неловко, но она в глубине души порадовалась, что из-за коротких волос на такое задание её к немцам не пошлют. Любыми средствами добиваться доверия врага она не была готова. Ей было всего шестнадцать лет. Все её мысли были в партизанском отряде.

А пока с утра до вечера всё время заполняли занятия. Часами отрабатывали приём на слух азбуки Морзе и передачу на ключе. Нарастивали скорости. Эти занятия носили название «СЭС» (сеанс электросвязи). Приём 120 знаков в минуту считался отличным. Многие девчата принимали по 140. Марина 140 не принимала, но на 120 могла работать. Передача давалась труднее. Почти для всех передача 110 знаков в минуту было пределом. Марина передавала 100. Но и это было отличным результатом.

Радиостанции, которых забрасывали в тыл к немцам, выдавали радиостанцию «Север», которую недавно начал выпускать ленинградский завод имени Козицкого. Она представляла собой небольшой ящик с множеством кнопок и ручек, в котором общей радиосхемой объединялись приёмник и передатчик. К «Северу» придавался комплект электрических батарей для питания. Всё это помещалось в

двух сумках. «Северок», как ласково называли его радисты, можно было развернуть за минуту, так как его антенну – обыкновенную изолированную проволоку в несколько метров длины – достаточно было просто забросить, на какой-нибудь куст. Дальнейшее проведение связи зависело уже только от мастерства оператора.

Партизанская радиостанция «Север»

«Северок», а с ним вместе и основы электро- и радиотехники, без которых обойтись в таком деле невозможно, девчата изучали самозабвенно. Нужно было досконально знать, куда и зачем припаяна каждая из сотен деталей и проволочек, нужно было чётко представлять, что внутри происходит со всякими там электронами и ионами, чтобы быстро и точно найти неисправность, если она случится. Полагаться при настоящей работе где-то в немецком тылу можно будет только на себя.

Марина не раз с тёплым чувством вспоминала своего школьного физика Бориса Сергеевича Сафонова, выучив-

шего её так, что она, чуть не самая младшая во взводе, быстро стала главным консультантом по радиотехнике и могла найти неисправность в схеме чуть ли не с закрытыми глазами.

Помимо радиотехники и СЭС (армия есть армия) каждый день все курсанты, и девушки и парни, занимались по несколько часов строевой подготовкой. Отрабатывали по морозцу строевой шаг, повороты, приветствия. Теперь уже все знали, что такое «ряды вдвой», куда надо поворачивать по команде «правое плечо вперёд». Большинство девушек недолюбливало строевую подготовку. А Марине она нравилась. Она любила чувство слитности с другими, которое испытывала в строю, и ощущала удовольствие от чёткого, одновременно со всеми выполнения команды. Возможно, это объяснялось воспоминаниями о строевой подготовке в военно-морском кружке, где их перед праздниками целые дни напролёт гонял Сцепура по переулку у Дворца пионеров. А во Дворце пионеров нравилось всё.

Учились московские девушки прекрасно. В их взводе была самая высокая успеваемость в батальоне. До них в 40-й ОЗРБ попадали девчата по мобилизации из Иванова, Вологды с образованием 7-8 классов. Москвички были первыми добровольцами. Из них только Марина и Светлана Сёмина не успели по молодости лет закончить десятый класс. Все остальные имели за плечами полную среднюю школу или несколько курсов института. Так что высокая успеваемость в их взводе была не удивительна. До них самый высокий средний балл в ведомости был 4,7. В московском женском взводе было несколько человек, кто имел 5. Марина была в их числе.

Через две недели москвичек со сцены перевели в общую казарму и выдали им постельные принадлежности. Но прошёл ещё целый месяц, прежде чем девчата услышали долгожданную команду старшины: «Третий взвод – в каптёрку, форму получать».

Девушки столпились у дверей. Первые вынимали из

мешка гимнастёрки, встряхивали, расправляли, прикидывали по плечам, по длине рукавов, потом бежали переодеваться. Их место занимали другие. Валя Короткова принесла гимнастёрку обратно:

– Товарищ старшина, поменяйте форму. Я не хочу эту.

– Почему не хочешь? Чем не угодила?

– Она с заплатками.

– Ну и что? Форма ХБ БУ, значит, бывшая в употреблении. Одна с заплатами, другая с дырками. Ничего не попишешь, других не приготовлено. Может, и с глиной попадёт, все случается. Постирате, почините. Вшей на них нет, это точно, парилку в санпропускнике они все непременно проходят.

– А я не хочу такую.

– Брось, Валя, бери. Новую только на фронте дают. Вот попадём на передовую, там и разодемся.

Аня Заварская вытянула красивую тёмно-зеленую гимнастёрку из шерстяного материала, командирскую:

– А вот без заплаток! И дырок нет. Чур, моя!

– Ох, и мировая! Ай да Аня!

– А это что за пятно?

– Где?

– Да вот. Ой, Аня, это кровь!

Девчонки примолкли. Старшина подбодрил:

– Ничего, Заварская, выстираешь, выгладишь, никаких пятен не останется, а ты будешь в командирской форме щеголять.

Аня стояла в нерешительности. Валя сказала:

– Если б это с убитого, крови больше было бы. Это, небось, раненый снял. Бери, ничего.

Заварская унесла форму. Старшина придвинул мешок с сапогами:

– Налетай, подшевели. Повезло вам, девчата, сапоги прислали. Парням ботинки с обмотками выдают.

Сапоги были новые. Светка Сёмина наклонилась над мешком:

– Ну и сапоги! Они что, на великанов?

– Какой у тебя размер?

– Тридцать шестой.

– На вот, тридцать девятые бери и скажи спасибо, меньше нету.

Все загалдели:

– И мне, и мне тридцать девятый.

– Ничего не могу поделать. Была всего одна пара.

Марине достался сорок первый. Она носила тридцать шестой. Сапоги брали, уже не спрашивая номеров. Чуть не последней подошла Ирочка Попова, самая маленькая во взводе. Она была уже в форме. Гимнастёрка доходила почти до подола юбки, рукава закатаны.

– Товарищ старшина, а мне поменьше сапог нету?

– Какой размер-то у тебя, воробей?

– Тридцать второй.

Старшина только присвистнул:

– Ух, ты! На таких козавок армейское обмундирование не рассчитано. И берут же в армию клопов.

– И вовсе не берут. Я сама пошла. И нечего клопами обзывать.

– Ладно, не обижайся. Поздно ты пришла. Остался один сорок третий. Придется тебе брать. Может, потом поменяем.

Иринка засмеялась, взяла сапоги, сунула в них ноги, потопала в класс. Стала в дверях, руки по швам и доложила командиру взвода:

– Товарищ младший лейтенант, боец Попова в полном обмундировании явилась. Какие будут приказания?

Осипов медленно вылез из-за стола, подошёл к ней. Наклонив голову, посмотрел на Иринку сверху вниз. В глазах весёлые искорки, но улыбку сдержал:

– Молодец, боец Попова. Приказание будет – научиться завёртывать портянки.

– Есть научиться завёртывать портянки. Разрешите идти, товарищ младший лейтенант?

– Идите.

Иринка повернулась налево кругом всем телом. Сапоги отстали, она пошатнулась. Осипов поддержал.

– Пришлите ко мне старшину.

– Есть прислать старшину!

Иринка поволокла сапоги к каптёрке, передала приказание. Потом встала у стены казармы и махнула ногой. Сапог слетел, взвился под потолок и, описав красивую баллистическую кривую вдоль всего зала, сочно припечатался всей подошвой перед командиром роты, который как раз выходил из штабной комнаты.

– Это что за артобстрел? Чей сапог? Бегом ко мне!

В одном сапоге, прихрамывая, Иринка приковыляла к командиру роты и встала по стойке смирно, скособочившись на босую ногу. В роте все замерли. Маленькая, худенькая, утопающая в громадной топорщащейся форме, Иринка стояла перед длинным костлявым Артюховым вся красная, наклонив голову набок и уставив глаза в пол. Артюхов грозно сдвинул брови:

– Почему не докладываете?

Иринка начала:

– Товарищ старший лейтенант, боец Попова по вашему приказанию яви...

От волнения и попыток сдержать смех голос у неё сорвался, и она громко пискнула на всю казарму. Уже не пытаясь продолжать, Ира мягко опустилась на пол у ног Артюхова на свой единственный сапог. Зажав руками рот, она широко открытыми глазами снизу вверх глядела на командира роты, не зная, что делать. После минутного замешательства казарма грохнула хохотом. Артюхов махнул рукой, быстро обошёл всё ещё сидевшую на полу Иринку, направился к комбату.

Очень скоро девушки подогнали форму себе по фигуре, подшили, подрезали, заложили складочки, где требовалось, нагладили, форма стала как новая, с иголочки.

Как-то во время дневальства по роте Марина слышала

разговор комбата с Артюховым.

– Ты смотри, как твои девчата выглядеть стали. Любо-дорого посмотреть. Одна другой краше.

– А ты заметил, как они мимо большого зеркала, что у штаба, проходят?

– Нет, а как?

– Куда бы и как бы ни торопились, всё равно чуть замедлят шаг, оглядят себя, даже улыбнутся иной раз – и дальше.

– Жизнь есть жизнь. Даже парни, случается, пофорсить любят, а уж девчатам по штату положено. Будь они хоть сто раз военные.

– Это так, но для них форма ещё и особую цену имеет. Добровольцы ж большинство. И не с распростёртыми объятиями их в армию берут. Лучше бы, конечно, без них обойтись в военном деле. Так вот, в этой улыбке у них читаешь: «Добилась всё-таки! Взяли! Хоть и слабый пол, а от парней отставать не собираюсь».

– Да, ты прав. Хороши у тебя девчата. Но и жалко их. Поберечь надо, хоть они и хорохорятся.

Начались занятия с оружием. Разбирали и собирали винтовку и пистолет. За каждой девушкой была закреплена винтовка, которую она была обязана ежедневно чистить и смазывать. По тревоге разбирали винтовки из пирамиды и бегом отправлялись в бомбоубежище. Встать, одеться, разобрать оружие и построиться надо было за три минуты.

Любые объекты в армии всегда охраняются. Для этого существует специальная караульная служба. Имелась она и в 40-м ОЗРБ. В караул ходили и парни и девушки. Военский устав строго расписывал правила поведения караульных и на посту, и в караульном помещении. Но случилось всё-таки как-то совершенно неожиданное происшествие. Одна из караульных девушек, всего-то пятнадцати лет от роду, случайно выстрелила из винтовки в самом караульном помещении. Пуля попала в потолок, никто не пострадал, а малолетку отчислили из армии и отправили домой.

Во время несения службы с караульными происходили всякие передраги. Кате Антиповой (Железняковой) довелось стоять часовым у склада (о чём она, конечно, не знала) во время воздушной тревоги. Город Горький (Нижний Новгород) был наштампован военными предприятиями. Помимо своих собственных, там размещали заводы, эвакуированные с запада страны, где хозяйничали немцы. Поэтому Горький, случалось, бомбили, хотя он и был вроде бы тыловым городом. Во время воздушной тревоги личный состав батальона отправляли в бомбоубежище. А Катя ночью у склада одна, только что с винтовкой. Тьма крошечная, мороз лютый. Волнами накатывает гул немецких самолётов. Ухают неподалёку падающие бомбы. А Катя на посту, никуда не уйдёшь. Страшно. Когда самолёты пикируют перед сбросом бомбы, душа проваливается в пятки. Взрыв – и полегчает: на этот раз пронесло. Только винтовку к себе прижимала. Опять пикируют – снова сердце замирает от страха. Взорвётся – и снова облегчение. И так всю ночь. Еле дождалась смены.

Но тревоги бывали не часто. Иногда ходили стрелять в тир. Вот гдегодились Марине занятия в стрелковом кружке! Вообще, она стала замечать, что всё, чему она где-нибудь когда-нибудь обучалась, обязательно где-нибудь когда-нибудь потом оказывалось ей полезным. Знания, как известно, за плечами не носить, поэтому, чем больше знаешь и умеешь, тем всегда лучше. Марине было всего шестнадцать, а она уже имела право сказать, что владеет несколькими специальностями. Она могла бы работать матросом, мотористом, рулевым, теперь вот стала радисткой. Вот бы и дальше так накапливать профессии!

Дни шли за днями. На занятиях Марина сидела за одним столом со Светланой Сёминой, худенькой смуглой девушкой, похожей на взъерошенного галчонка своими несколько небрежно причёсанными волосами и крупноватым для её узкого личика носом.

Света была ровесницей Марины и тоже успела окон-

чить до войны только девять классов. Она была самой усердной почитательницей Марининых педагогических талантов в области радиотехники. Когда Светлану вызывали к доске, то она рассказывала о работе колебательного контура или прохождении тока в радиолампе не только Мариниными словами, но даже с её интонацией. Чтобы быть поближе к Марине, Света обменяла своё нижнее место на нарах и спала теперь на втором этаже рядом с ней. В наряды и на дежурство девушки заступали всегда вместе, днём валили по роте вдвоём.

Незадолго до дня Красной Армии Марина и Света дежурили по взводу. Пока все бегали на зарядку, девушки получили на кухне хлеб на весь взвод и разделили его на порции. Это не такое лёгкое дело, как может показаться. Пока Света нарезала порции на весь взвод, у неё на ладони вздулся волдырь. Ещё труднее было делить сахар, эти огромные искрящиеся куски крепчайшего рафинада. По форме они напоминали высокий конус, а называли их “сахарные головы”. Их можно было расколоть, только если рубить с размаху тяжёлым ножом вроде тесака. Надо было так делить сахар, чтобы как можно меньше переводить его в крошку, а нарубленные куски получать примерно одинаковые.

Когда зарядка кончилась и казарма наполнилась шумом возбуждённых голосов, Марина и Света стали разыгрывать сахар. Света закрывала глаза, а Марина указывала на порцию и спрашивала:

- Кому?
- Заварской.
- Кому?
- Коротковой.
- Кому?
- Мысковой.
- Кому?

Светка не успела ответить. Откуда-то с задних нарах от окна раздался дрожащий голос:

– А где мой сахар?

Светлана Сёмина

Спрашивала Сима Шаралина, белобрысенькая тихая девушка, которая всегда казалась чем-то недовольной и всё боялась, как бы её где-нибудь не обделили.

– Я собирала-собирала, не ела сколько дней, а сахара нет. Украли. Я ужималась, всё время пустой чай пила без сахара, а кто-то пользуется.

Лицо её покраснело и как будто вздулось. Веки заморгали, опухая. Нос сразу зашмыгал, и из глаз покатились жалкие и злые слёзы. Она тоненько подвывала, постанывала и тянула:

– Я знаю воровку. Я докажу. Я всем докажу. Она не только у меня, она у всех ворует.

Марина тоже собирала сахар. Она знала, что родители в Москве недоедают. Помочь им хлебом она не могла. Но привезти им сахар, если поедет на фронт через Москву, она очень надеялась. Сахар Марина собирала в стеклянной

пол-литровой банке и держала у себя на нарах под подушкой. Симу обступили.

– Знаю кто, я докажу, всем докажу про нее, – рыдала Сима.

– Ну, кто, кто, говори, если знаешь.

– Да вот, знаю, вот знаю. И пусть не представляется честной, пусть сознается, что украла.

– Да кто сознаваться-то должен, скажи, не реви.

Сима вдруг заупрямилась.

– А чего я буду говорить, пусть сама сознается, воображала несчастная, думает, она всех умней, так и воровать можно! Подумаешь, учит всех, как контур работает. Выхвалиться ей нужно, потому и учит. Воровка!

Не глядя в глаза окружавшим ее девочкам, низко наклонив искажённое злобой лицо, Сима всем телом повернулась в сторону Марины. Щёки у Симы были такими мокрыми от слёз, как будто она побывала под душем. С подбородка и кончика носа свисали капли. Красные пятна покрывали даже шею.

Марина, холодея, вдруг поняла, что Сима имеет в виду её и что позорные слова «украла», «воровка» относятся к ней, Марине. На мгновение она растерялась. Мелькнула жалобная мыслишка: «За что? Что я ей сделала?» – но в следующую минуту Марина уже вспрыгнула на свою койку на втором этаже и вынула банку с сахаром.

– Ты что, Сима, скажешь, что это твой сахар?

– Может, и мой.

– Откуда он твой?

– Я сколько собирала, ни разу ни кусочка не съела, всё время пустой чай пила, а теперь вот украли.

– Ну и что? Плохо, конечно, что украли. Но почему этот-то вдруг твой оказался? Я тоже собирала, хотела в Москве родителям отдать.

Вмешалась Света:

– Верно, Сима. Девочки, правда, я знаю, что Марина сахар собирала.

Валя Короткова поддержала:

– Верно, и я знаю. А вот, что ты, Сима, сахар собирала, я, между прочим, не видела. И не ври, что Марина у тебя что-нибудь украла. Скорей ты у Марины украдёшь. За Марину я голову положу. В жизни она ничего нечестного не сделает. Не суди по себе.

Девчата зашумели:

– Ну, ты уж, Валя, тоже загибаешь. Нечего человека зря оговаривать.

– Ничего не оговаривать. Что, вы её не знаете? Это она Марину зря оговорила. А сама-то она по-всякому может. В тихом омуте черти водятся. Чего она говорит, что у нас воруют? У кого что пропало? Только сахар у неё? Да, может, она его сама съела. А может, она и не собирала его вовсе.

Валю утихомирили. Симе собрали сахар вскладчину со всех по кусочку. Марина окончила эту тягостную историю тем, что съела сразу весь свой сахар, который она собирала несколько недель. Больше ей уже ничего не хотелось собирать.

Питание в 40-м ОЗРБ было, конечно, скудноватым. Девчатам еще ничего, хватало, а парни явно недоедали. Да и девушки чувствовали, что не мешало бы и побольше.

Маша Чугунова (Мария Васильевна Смирнова) была в батальоне помощником командира взвода. Её обязанностью было привести свой взвод в столовую, проследить, как люди расселись, а затем принести из столовой большую кастрюлю с супом. На столе уже лежал нарезанный на порции хлеб. Суп постный, жидкий: вермишелина за вермишелиной гоняется. А пока Маша вернётся из столовой с кастрюлей, девчата успевали съесть весь свой хлеб до крошки. На второе – мятая картошка или горох с комбижиром. Что это за жир? Трудно сказать, из чего он сделан. Но ели. Другого-то не дают.

Комбижиром сдабривали и на фронте, и в тылу. Картошка всегда сладковатая, потому что мороженая, другой нет.

Притащив суп, Маша вставала во главе стола, вооружалась громадной разливательной ложкой, (её называли “разводящей”, как начальника караула) и наливала каждой сидящей за столом девушке по пол литра жиденького пойла.

Пока Маша добиралась до последней тарелки, первые уже были чистые, разве что не вылизаны. А что касается до ассортимента блюд, то его хорошо демонстрирует стихотворение, которое Марина написала к 50-летию Победы.

ОХ И ГОРОХ!

(капризулям на заметку)

*Не любила я горох,
Не любила с детства,
Удирала со всех ног,
Если был в обед горох,
В садик по соседству.
Каждый раз я нудный спор
Затевала с мамой
И краснею до сих пор
За капризный разговор
И протест упрямый.
Началась война у нас,
И судьба решила,
Чтобы в грозный этот час
Я не пряталась в запас,
А шинель носила.
В батальоне между тем
Повар «мало-малость»
Не учитывал совсем, –
Наливал по нормам всем,
Что в котле осталось.
И случился тут подвох*

*В войну всё бывало),
Что со склада лишь горох,
Нескончаемый горох
Кухня получала
Три недели всё одно,
Всё одно и то же –
Не картошку, не пишено –
Из гороха толокно
Ели мы, и что же?
Я теперь горох люблю,
Просто обожаю,
И историю свою
Часто вспоминаю.*

Близилось 23 февраля. Политрук роты Сорочинский проводил во взводах занятия о дне Красной Армии. В Маринин взвод он явился с опозданием и заметно взволнованный. Когда все уселись по местам, Сорочинский вместо беседы о 23 февраля прочёл из газеты рассказ «Таня» о девушке-партизанке. Когда он кончил читать, некоторое время все сидели молча, потрясённые. Марина мысленно примеривалась: а она смогла бы, как Таня? Тоже ведь в партизанский отряд готовится. Она сидела сосредоточенная, строгая, внутренне напряженная и вдруг услышала голос:

– Ну и что, повесили, конечно. Она же поджигать собиралась, вот её и повесили.

Говорила Капа, большая рыхлая девушка, всегда как будто немного заспанная. Несмотря на ее вялый вид, она успела уже побывать на фронте, хоть и недолго. После фронта Капа вместе с Мариной и Гулькой училась на курсах в Москве, а потом приехала в Горький. Валя Короткова взорвалась:

– А что ж ей немцев терпеть, что ли? Они грабят, а мы терпи? Правильно делала, что поджигала.

– Вот за то её и повесили. Война ведь.

– Ну, знаешь, мы их к себе не звали. Не мы начали вой-

ну, а они. Пусть теперь получают.

– Еще неизвестно, кто получит.

– Как это неизвестно? Ты что, думаешь, они победить могут?

– А почему нет? Вон у них силы сколько. А мы всё только отступаем. Чуть-чуть под Москвой колупнули их, да и накрылись. Опять назад пятимся. Москву бомбят всё время. Вон уж и в Горьком бомбёжки начались. А отсюда до фронта, ой, как далеко! Значит, могут они сюда долететь, нечем у нас их сдержать.

– Эх ты, а еще фронтовичка! Зачем ты только в армию шла!

– Вот если бы ты была на фронте, ты бы так не говорила. Наши голые да босые, оружия нет, а немцы всё лезут. Знаешь, как страшно в окружении?

– Ну и что? Страшно, так и ехала бы себе домой, коли выбралась. Нечего было в радистки лезть. При Наполеоне вон Москву отдавали, и то выиграли войну. А сейчас Москва наша. И всегда будет наша!

Все одобрительно зашумели.

Марина молчала, слушая этот спор. Конечно, у неё, как и у всех вокруг, щемило сердце, когда она думала, как далеко уже зашли немцы. С горечью и болью она иногда мысленно прикидывала: а что будет, если отдадут Москву? Даже не о родителях она тревожилась, не о том, что с ними станет, если по улицам Москвы будут расхаживать немцы. Саму Москву ей было жалко, как живое тёплое существо. Она не допускала, что милую родную Москву могут отдать. Отдать, как отдал Кутузов. Не из-за поражения, нет, а для победы. Для победы! В том, что окончательная победа будет за нами, Марина не сомневалась никогда!

Сорочинский молчал, внимательно слушая горячий спор. Ему нравилась запальчивость Вали, и он посчитал, что ему не следует вмешиваться и ещё больше подогревать общую победную веру. Но потом всё же добавил:

– А Тане не было страшно? Наверно, пострашней, чем

тебе в окружении, тебе всё же сиюминутная смерть не грозила. А Таня с петлей на шее сумела унижить врагов и восславить Россию. Такой народ победить невозможно!

23 февраля все курсанты батальона получили подарки. Марине достались конфеты «постный сахар», которые она очень любила до войны, пачка махорки и вышитый кисет. В кисете лежала много раз свёрнутая записочка: «Фронтowому бойцу-герою от незнакомой девушки», – и тут же обратный адрес незнакомки. Марине стало немного неловко и грустно за далёкую девушку, за то, что письмо попало не по адресу. Марина не боец, не фронтовик, не герой. И написать девчонке ответ Марина постеснялась.

И вот настал день присяги. К нему готовились. Учили текст, вникали в каждую строчку воинского устава, особенно четко отрабатывали повороты, приучали руку к винтовке.

В 10 утра рота построилась. Пришли комбат, комиссар батальона, начальник штаба. Все торжественные, парадные. Штабной писарь принёс большую амбарную книгу в жёстком переплёте, чернильницу-непроливайку и несколько школьных ручек с перьями на любой вкус. Артюхов подошёл к комбату классическим строевым шагом, по всем правилам воинской науки и доложил:

– Рота к принятию присяги построена!

Марина всё ждала чего-то необыкновенного. Было торжественно и немного страшно. Но дальше всё оказалось очень просто. Девушки выходили из строя по одной, передавая друг другу винтовку. Читали слова присяги:

– Я, гражданин Советского Союза... Именно так: не «гражданка», а «гражданин».

Марина, наверно, не зря побаивалась. Когда она выходила из строя с тяжёлой винтовкой в руке, то шла как-то неуверенно, а на повороте и вовсе покачнулась. Очень сконфузилась от этого и густо покраснела. Читала присягу красная, со слезами досады на глазах! А потом, когда надо было расписываться в книге, от смущения замешкалась,

перекладывая винтовку из правой руки в левую, чтобы взять ручку, чуть было не уронила оружие. В общем, всю торжественность она себе испортила, расстроилась и переживала несколько дней. Да и после досадовала на себя за неловкость.

Близился выпуск. В день, когда Марине исполнилось семнадцать лет, по батальону был зачитан приказ о присвоении девушкам первых воинских званий. Большинство было аттестовано сержантами. Марина и Валя Короткова получили в петлицы по три «треугольничка» – знаки различия старшего сержанта. Оглоблина, воевавшая еще в гражданскую, казавшаяся девчонкам чуть ли не старухой, стала старшиной.

Вскоре после этого всех, кто хорошо учился, подготовили к отправке в Москву. Ходили слухи, что их там ещё немного подучат и забросят в тыл к немцам. Марина, как и все девчата, радовалась, что снова будет в Москве, увидит родителей. Она думала, что задержится в Москве ненадолго, недели на две-три. А дальше – фронт или партизанский отряд.

До отправки оставались считанные дни. В ожидании приказа об отъезде новоиспечённых младших командиров направили на практику. Узнав об этом, Валя Короткова предложила Марине:

– Давай поедem на практику вместе.

Марина согласилась, но добавила:

– Давай, только Светку еще возьмём.

Поехали четверо. Добавилась еще Маша Мыскова. Получили на складе продукты: картошку, вермишель, комбигир. Отвезли девушек на другой конец Сормово и разместили в отдельной квартире обычного жилого дома. Задача стояла так: держать связь с батальоном. Условия – как на настоящем задании. Антенну замаскировать, из дома не выходить, жильцы не должны догадываться, что в их доме обосновались военные, тем более радисты.

Раньше, в классе, Марине казалось совсем нетрудным

войти в связь, обменяться радиограммами. Но теперь! Едва она одела наушники настоящего приёмника, как её оглушила лавина звуков. Писк, свист, визг, шуршание, щёлканье, даже какое-то хрюканье рвались в уши, забивали сознание, давили на мозг, угнетали. Казалось совершенно немислимым выделить из этой какофонии звуков нужные – слабенькое бульканье спотыкающихся позывных. Обуревало единственное желание – побыстрее сбросить наушники и прекратить всякие попытки установить связь. Всё равно невозможно ничего разобрать. Подавленные, девчата вяло крутили ручки приёмника, честно отсиживая время сеансов. Только Мыскова, самая старшая из них по возрасту, впивалась в приёмник, почти утыкаясь носом в шкалу, и стискивала ручки настройки так, что белели пальцы. Она сидела за приемником больше всех, по расписанию и сверх расписания, в сеансы связи и в промежутках между ними. Когда остальные спали, готовили еду, читали, Мыскова ловила корреспондента. Если в очередной сеанс дежурил кто-то другой, Мыскова всё равно слушала, садясь за параллельный приемник. И наконец однажды раздался её истошный крик:

– Зовёт!

Все бросились к ней.

– Где? Где? Дай послушать.

Она не реагировала. Ссутулившись, даже немного прижавшись со стула, Маша прикинула к приёмнику, как будто чем ближе она была к его передней панели, тем лучше ей должно было быть слышно.

– Бумагу дайте.

Сразу протянулись три листка и легли перед ней на стол. Она, не глядя, взяла один, подвинула ближе. Потом откинулась, села поудобней и начала торопливо работать на ключе. Корреспондент прекратил вызов, надо было ему ответить.

Первая связь состоялась! Маша приняла радиограмму, передала свою и с удовольствием отстукала окончание

связи: «nil sk». В журнале появилась первая запись. Она оказалась и последней. В этот же день пришла машина и привезла приказ немедленно возвращаться в батальон и ехать в Москву.

ТЫЛОВАЯ ЧАСТЬ

Москва встретила тишиной, малолюдством. Витрины магазинов были заложены мешками с песком, стёкла окон заклеены белыми косыми крестами. На улицах стояли противотанковые ежи. Попадалось много военных. Всё – как и до отъезда. Только раньше это было привычным и примелькавшимся, а после тылового спокойного Горького суровая обстановка Москвы особенно сильно резанула сердце.

Как только отпустили из казармы, Марина стрелой помчалась домой. Лифт не работал. Запыхавшись, вбежала на шестой этаж. Позвонила и застыла на пороге. Открыла мама. Как же она изменилась! Всего за три месяца из цветущей полной женщины превратилась в худенькую бледную старушку. Вот когда Марина пожалела, что съела тогда весь припасённый сахар! Когда пришёл с работы папа, Марине вначале показалось, что он даже немного поправился. Присмотревшись, она поняла, что это отёчность от недоедания, а не полнота.

Как и все девушки, Марина считала, что задержится в Москве недолго. Поэтому она торопилась набегаться по знакомым.

Если бы не близкий отъезд, она ни за что не отважилась бы зайти к Головиным. Она раньше никогда у них не бывала, и не в её правилах было первой приходить к мальчишкам, особенно если она была как-то заинтересована в них. А Глеб Головин всё-таки нравился ей. Но перед заданием она сочла это допустимым. Да и форму хотелось показать. У Головиных оказалось много народу: ребята из 9б. По-настоящему это был 10-б, но как десятиклассники они почему-то не воспринимались. Наверное, потому, что школа закончилась для них девятым классом. Дальше школы не работали.

Маринино появление произвело сенсацию. Она была первой, кто попал в армию из обоих параллельных клас-

сов. После шумных приветствий вся компания отправилась в кино. У них были билеты в «Ударник», любимый их кинотеатр, куда еще до войны всем классом случалось сбежать с уроков.

Для Марины билета, естественно, не предусмотрели. Глеб отдал ей свой и уговаривал:

– Бери-бери, не стесняйся. Я и так пролезу, а военному человеку зайцем скакать не положено.

Он и правда прошёл без билета. Уж очень не хотелось ребятам расставаться в тот вечер. Когда картина кончилась и все разошлись, Глеб проводил Марину до её дома. С тех пор свободное время Марина часто проводила с Глебом.

Немного его было, свободного времени. Увольнительные давали редко. Но если и давали, то на сутки. Ведь все девушки были москвичками. У каждой в городе были родители, дом, где всегда радовались, если дочерям удавалось переночевать под родным кровом.

Отец Глеба был директором станции неотложной помощи и имел пропуск по ночной Москве. Когда появлялась Марина, Глеб забирал отцовский пропуск, пользуясь тем, что ни указания должности владельца, ни фотографии на пропуске почему-то не полагалось, и исчезал из дома. Ребята бродили по Москве чуть не до рассвета и расставались только на пороге Маринино дома или на повороте Воробьёвского шоссе, откуда вела дорога к воротам части. Марина категорически запрещала Глебу провожать её до самых ворот. Ей казалось, что так она сохраняет военную тайну. На пути от Каменного моста до Воробьёвки их не раз останавливали патрули, проверяли у Глеба пропуск и, хмыкнув или отпустив беззлобную шутку, пропускали. Им странной казалась эта пара – гражданский парень и военная девчонка.

Что за воинская часть, куда они попали, девчата не знали. Они заполнили целые простыни анкет и всё ждали, что их вот-вот вызовут и объявят об отправке на фронт или еще дальше – в тыл к немцам. Но никого никогда не вы-

зывали, а недели через две их собрали в красном уголке и объявили, что они зачислены на Центральный радиоузел специальной радиослужбы разведуправления Генштаба. Ух, ты! Вот это учреждение! У них даже дух захватило. Перед ними поставили задачу: держать радиосвязь с партизанскими отрядами, принимать донесения от радистов в тылу врага и передавать их в Ставку Главного командования. Большинство девчат получили должность радиста-оператора, а несколько человек стали работать на передающем центре техниками.

Через несколько дней девушек повели знакомиться с их будущим местом работы. Радиоузел недавно получил новое здание. На втором этаже его был наскоро оборудован приёмный центр, располагавшийся пока в двух небольших комнатах.

Уже при подходе к зданию слышался писк морзянки, свист и визг настройки, а при входе в зал приёмного центра звуки просто оглушали. На столах рядами стояли огромные чёрные приемники, и из каждого несло что-то своё. Сигналы азбуки Морзе в разных тональностях, от ковариного зудения до простуженного хрипа, громкое шипение эфира, прорывающиеся сквозь треск разрядов всплески музыки и разноязычной речи, дробь «глушилок», переливчатые трели и завывание помех — всё это давило на уши, затыкало их звуковой пробкой. Казалось, что звуки исходят не от приёмников, а плотно набиты в комнате, как вата в матрасе. Сквозь них с трудом пробивались слова, сказанные кем-нибудь рядом.

Марина удивлялась, как среди такой какофонии можно что-нибудь услышать. За приёмниками сидели радисты. Как они выдерживают этот напор звуков? И как до сих пор не оглохли, если им постоянно рвёт уши вой из наушников, надетых на голову?

Марину жестом подозвал чернявый небольшого роста старший лейтенант:

— Садитесь, товарищ старший сержант, попробуйте.

Марина смутилась:

— Мне наушники не подойдут. У них очень дужка большая.

— Не наушники, а телефоны, радисты так обычно говорят. А дужку можно укоротить. Марина села. Старший лейтенант подогнал дужку и надел телефоны Марине на голову, но так, что мембраны оказались у висков. Марина сдвинула их на уши. Старший лейтенант засмеялся.

— Э, девушка, так не пойдёт. Если телефоны на ушах держать, оглохнуть можно. Мало ли какая станция влезет, так резанёт, что не поздоровится. Телефоны всегда в стороне от уха держат.

— Так ведь неудобно.

— Привыкнете. Даже удобным покажется. А теперь вот настраивайтесь на ту же станцию, что и ваш сосед, и принимайте радиogramмы в параллель.

Он помог Марине настроиться. Крепко сжимая ручку настройки и сильно надавливая на карандаш, Марина начала писать цифры. К её удивлению, приём шел легко, никакие чужие звуки с соседних приёмников не мешали, своя станция отсекала их все. Если волна уходила, Марина чуть шевелила ручкой настройки, слышимость улучшалась, и приём снова был чётким. Радости Мариной не было предела. После той недолгой практики в Горьком, когда она так и не смогла поймать корреспондента, её мучили сомнения, удастся ли ей вообще стать радисткой. Может, это дано только тем, у кого музыкальный слух? А Марина, увы, музыкальностью не отличалась. Теперь же все сомнения остались позади.

Корреспондент окончил передачу и перешёл на приём. Марина сняла наушники.

— Большое вам спасибо, товарищ старший лейтенант.

— Пожалуйста, товарищ старший сержант. Понравилось? У вас хорошо получается.

— Спасибо.

Первая экскурсия на приёмный центр закончилась. Де-

вушек позвали вниз.

Настоящая работа в центре для девушек началась с уборки. Здание, в котором размещался радиоузел, раньше принадлежало геологам. Сколько там было камней! На полках шкафов за стеклянными дверцами аккуратно располагались образцы минералов один красивей другого. Все они имели этикетки с указанием времени и места их находки. Были там серые и розовые граниты, в которых точки слюды отливали серебряным блеском; разноцветные, похожие на постный сахар куски мрамора; переливающиеся сиреневым и фиолетовым огнём аметистовые щётки; скромный, будто застенчивый эвдиалит с тревожными красными вкраплениями на сером фоне; нарядный амазонит всевозможных оттенков: ярко-зеленый, с белыми прожилками, как застывшая пенная морская волна, и бледный салатный, как молодая листва; печальные чёрные гнейсы и рябенькие серые габбро, похожие на пёстрый ситец в чёрно-белый горошек.

Но больше всего там было кварцевых друз. Большие и маленькие, прозрачные, как оптическое стекло, и матовые, как китайский фарфор, бесцветные и окрашенные в разные оттенки всевозможных цветов, они казались предназначенными быть только украшениями, а вовсе не минеральным сырьём.

Сколько же труда затратили люди, чтобы собрать эти богатейшие коллекции! Но этих людей нет, люди уехали. А теперь надо всю эту красоту, весь этот труд человеческий куда-то деть: убрать, выбросить, растащить, уничтожить. Освободить помещения. Жалко. Но что делать? Приказ. Самые красивые камни девушки разобрали на сувениры. Остальные отнесли на помойку.

Потом мыли полы. Вот когда Марине пригодилось умение драить палубу! Она делала это легко и весело, иронически поглядывая на некоторых подруг, со стоном и оханьем поднимавших ведро и тряпку. Плохо всё-таки живётся на свете белоручкам!

Полетели рабочие будни. На дежурстве вели приём, чаще всего в параллель как недостаточно опытные радисты. Изредка работали самостоятельно. В промежутках тренировались в передаче на ключе за специальным столом. За трое суток трижды по восемь часов девушки работали в смене радистами. Между сменами — два перерыва, тоже по восемь часов. Смены приходились на день, утро, ночь. После ночной смены один длинный перерыв в тридцать два часа. И так день за днём, сутки за сутками. За длинный перерыв можно было съездить домой к родителям, погулять, сходить в кино. Рядом была Москва-река, и девчата часто бежали туда купаться.

Однажды Марина даже чуть не утонула. Пришли с девушками на речку, переплыли на другую сторону. Все проплыли чуть ниже по реке и спокойно вышли на берег. А Марину вынесло течением к барже, которая стояла у причала. У баржи глубоко, встать на дно невозможно. Течение в реке сильное, идёт под дно баржи и тянет с собой Марину. Она уже устала бороться, сил нет, да и течение много сильнее её. Чуть не стала праздновать труса. Однако по борту баржи оказались ввёрнутыми какие-то крюки. Марина зацепилась за один, повисела, отдохнула. Потом, перебираясь по крючьям, чтобы не затянуло под дно, проплыла весь борт и выбралась на берег.

Однажды Валя Короткова встретила Марину во дворе части.

— Марина, ты слышала про новый приказ?

— Какой приказ?

— Организуются при узле курсы младших воентехников.

— Ну и что?

— А вот что: поучишься два месяца — и привесят тебе «кубарик».

— А потом?

— Потом всё, будешь средний командир. Чего тебе ещё надо?

– На фронт-то когда? Или в партизаны?

– Никогда. Никто нас туда не пустит, если уж средними командирами сделают. И вообще, говорят, что для средних командиров служба в армии прекращается только на том свете. Война кончится, а мы на всю жизнь в армии останемся.

– Ерунда! После войны кому нужно будет столько командиров? Да и солдат тоже? Отпустят. Вот только когда? Что-то не видно конца...

До войны операторами радиообмена и техниками на передающем центре работали только военнослужащие мужчины. Все средние командиры. Они носили звания лейтенантов, младших или старших, то есть вне дежурства оказывались сравнительно свободными людьми. Жили в семьях, если имели таковые, уезжали из расположения части в город без увольнительных, которые требовались сержантскому составу, посещали кино, театры. Им не надо было подчиняться дисциплине казарм, как рядовым бойцам или младшим командирам, и соответственно не требовалось надзора со стороны их начальников, высвобождая последних для других дел.

С началом войны резко возросла нагрузка на центр. С одной стороны, сильно увеличился объем радиообмена, с другой – часть мужчин-операторов была направлена в командировки или на фронт. Им необходимо было искать замену. Как на заводах женщины встали к станкам, так и здесь пришлось разбавить операторский состав женским контингентом. Допускать к таким связям вольнонаёмных, видимо, посчитали нецелесообразным. Но чтобы женщины органично влились в состав операторов-лейтенантов, пришлось и женщин поставить в те же условия, что и мужчин. Для этого собрали наиболее способных девчат из числа сержантов, окончивших сормовскую школу радистов, и организовали в Москве при центральном радиоузле ускоренные командные курсы средних командиров, как их тогда называли – курсы младших воентехников. Вот на эти-то курсы и

попали Марина Левашова и другие свежееиспечённые сержанты. По окончании курсов им предстояло получить звание младшего воентехника и носить кубики в петлицах.

Нетрудно было предположить, что инициатором подобных курсов был начальник отдела специальной радиослужбы Главного управления Генштаба полковник Рябов Виктор Михайлович.

В. М. Рябов

Учились в основном молоденькие девчонки, впервые покинувшие родительский кров. Рябов относился к ним по-отечески, заботливо и уважительно, и девушки это чувствовали и ценили. Он был для них высшим авторитетом и арбитром их армейской жизни.

Приказ им зачитали торжественно, перед строем. Была

сформирована рота из двух взводов. Рядовыми в ней были девушки-сержанты, а командиром – старший лейтенант Майданик, почему-то носивший маленькую бородку. Высокий, подтянутый, высокомерно-холодный, он считал своё командование женской ротой наказанием и не старался это скрывать. Майданик сразу ввёл жёсткий режим: подъём, зарядка, принятие пищи, занятия. Всё строго по уставу, точно по распорядку дня, без скидок на нездоровье, усталость, настроение. Всего этого для него просто не существовало. В увольнение – по очереди, раз в полмесяца, с одной увольнительной на десять человек. Выйдешь за ворота – и ходи толпой, все привязанные к одной бумажке. Ни домой поехать, ни с друзьями встретиться – ничего нельзя. А отойдёшь – налетишь на патруль. Без увольнительной заберут, сообщат в часть, взыскание получишь. Кому захочется?

Никакие просьбы и уговоры давать каждой отдельную увольнительную записку на Майданика не действовали. Может быть, он боялся, что девушки по свиданиям разбегутся? А там – долго ли до беды... Кто его знает.

Девчата дружно недолюбливали Фолу, как они его звали за глаза, и весьма чувствительно ему это демонстрировали.

В столовую рота ходила всегда строем. На ходу часто пели. Петь любили и умели. Майданик командовал:

– Запевай, – и Марина, Валя Короткова или Маша Мыскова затягивали песню.

В тот день выдавали форму. Впервые девушки получали платья. Это была командирская форма, но ведь и они через два месяца должны были стать средними командирами. Вместо белья им вручали по отрезу очень красивого голубого трикотажа из вязаного шёлка. А чулки дали оранжевые в резинку. Девчата взбунтовались. Целой толпой ввалились в штабную комнату к Майданику.

– Товарищ старший лейтенант, что это за уродство? Не будем такие чулки носить.

– Кто говорит, не будем?

– Все говорят. Старухи мы столетние, что ли, или дети?

– Старухи не старухи, приказано – значит, будете носить.

– Не будем.

– Отставить разговоры!

Маша Мыскова буркнула:

– Всё равно не будем, сам носи.

– Мыскова, два наряда вне очереди! Повторите.

– Это за что ещё?

– Ещё наряд вне очереди! Повторите.

Маша молчит.

– Повторите, а то ещё добавлю.

– Три наряда вне очереди.

– Надо говорить: «Есть три наряда вне очереди».

– Ну, есть три наряда.

– Не «Ну, есть три наряда», а «Есть три наряда вне очереди».

– Есть три наряда вне очереди, – со злостью шипит Маша и добавляет в сторону девчатам: «Только, чтоб отвязался, липучка».

– Смотрите, Мыскова, гауптвахту заработаете.

– Ну и заработаю, ну и отсижу, не твоё дело, – бурчит она.

Майданик делает вид, что не слышит.

– Идите к дежурному по части, доложите, что я вам дал три наряда. Пусть поставит на работу. Повторите.

– Есть пойти к дежурному по части и доложить.

– Что доложить?

– Что вы дали три наряда.

– Идите.

Маша отходит.

– Мыскова, назад!

Она возвращается.

– Как отходите? Что за поворот? Вас что, не учили? Встаньте по стойке смирно и повернитесь налево кругом,

как положено.

Еле сдерживая злые слезы, пунцовая от возмущения Маша выполняет поворот по всем правилам и вылетает из комнаты. Остальные вываливаются за ней. «Ну и Фоля», – общий приговор.

Через полчаса звучит команда:

– Выходи строиться в столовую.

Выбежали, построились, смотрят мрачно.

– Шагом марш! Запевай!

С места сдвинулись, пошли в ногу, но молчат.

– Запевай! – опять молчание.

– Запевай! – слышен только мерный топот ног. Майданик начинает злиться, как-то зеленеет, но виду не показывает.

– Запевай!

Кроме топота ног, слышится еще сдавленное хихиканье.

– Левашова, запевай!

Молчание.

– Левашова, наряд вне очереди захотела?

– У меня горло болит.

– Короткова, запевай!

– Я простужена.

– Кулатина, запевай!

– У меня голос сел.

– Пока не запоёте, в столовую не пойдёте.

Смешки прекратились, но петь никто не собирается. До столовой около полукилометра. В конце пути Майданик снова командует:

– Запевай!

В ответ – молчание. Перед воротами столовой раздаётся:

– Рота, слушай мою команду. Правое плечо вперёд, марш!

Строй поворачивает и медленно уползает от ворот столовой обратно по той же дороге.

– Запевай!

Молчат.

Прошли снова весь путь в полкилометра. Вернулись к приёмному центру.

– Запевай!

Молчание.

У входа на территорию приёмного центра приказ делать поворот – строй опять в полном молчании движется к столовой. Не шелестит даже лёгкий шумок разговора, который часто можно услышать в походном неторжественном строю. Очередные команды «Запевай» остаются без ответа. У ворот столовой новый поворот – и опять назад по той же дороге. Два с половиной часа командир испытывал терпение роты, а рота – характер командира. Переупрямить никто никого так и не смог. Обедать пришлось идти только потому, что вышел повар и пригрозил закрыть столовую.

Так же строем ходили в баню. Несколько километров вдоль набережной Москвы-реки. У каждой девушки под мышкой узелок с бельём. В баню Майданик водить их стеснялся и поручал это старшине Сонькиной. У неё в петлицах было всего на один треугольничек больше, чем у Марины или Вали. А Оглоблина и вовсе равна была ей по званию. Но всё-таки старшина Сонькина умела показать своё командирское рвение. Некоторых девчат она даже пыталась заставить прислуживать ей.

Частые дерзости Мысковой выводили Майданика из себя. В очередной раз, когда Маша снова затеяла спор по поводу выполнения приказа, терпение командира роты лопнуло, и он объявил Мысковой трое суток гауптвахты. Маша приказание не повторила, как полагалось бы по уставу, а Майданик не стал обращать на это внимание, а просто взял листок бумаги, написал сопроводительное письмо в гарнизонную гауптвахту. Своей гауптвахты в части не было. Затем он вызвал старшину Солкину, передал ей письмо и приказал доставить Мыскову на гауптвахту городским транспортом. Машин в распоряжении Майданика не было.

Появление на гауптвахте двух молоденьких девушек вызвало, конечно, немалое любопытство у охраны. Никто не мог отказать себе в удовольствии поглазеть на столь необычных посетительниц. То и дело приоткрывалась дверь, и в щель виднелась очередная, расплывшаяся в улыбке физиономия. Охранники вслух обсуждали, кто из девушек есть арестованная и почему.

Когда же комендант гауптвахты ознакомился с письмом Майданика, то сказал Солкиной:

– Товарищ старшина, передайте вашему командиру роты, что детей на гауптвахту не сажают.

Солкина чётко ответила: «Есть!» – повернулась налево кругом и строевым шагом вышла из кабинета.

Вернулись обе обратно в часть, зашли вместе в кабинет Майданика, и Солкина в присутствии Мысковой так и выложила:

– Комендант приказал передать командиру роты, что детей на гауптвахту не сажают.

В один из весенних выходных дней чуть не вся рота собиралась на гулянье в парк Горького.

Вдруг накануне по части был объявлен приказ: завтра – воскресник по уборке двора. Все увольнения запрещены, всем командирам быть в расположении части, от работы освобождаются только больные и находящиеся в наряде.

Яркий весенний день устроил наглядную демонстрацию дворового безобразия: чисто протёртое голубое небо с укором глядело на землю, всю в неопрятной мокрой коросте спрессованного грязного снега. Снежные слои во многих местах пропилены до асфальта острыми лезвиями ручьёв. Зажатые ледяными дамбами, глубокие лужи набухали мутной водой, разрастались и заливали дорожки и тропинки одну за другой.

Девчата проснулись удручённые. Такой весёлый солнечный день, так тянет погулять, а тут изволь идти на этот дурацкий воскресник. Торчи в части да махай лопатой целый день. А ветер дразнит свежестью, а солнце манит к ра-

дости. Недовольные, ворча, ломаными шеренгами потащились в столовую. Вяло поели и выползли на крыльцо. Стали на ступеньках, греясь и щурясь на солнышко и лениво перебрасываясь словами. Безмолвный протест, написанный на лицах, ясно показывал полнейшее нежелание не только работать, но даже двигаться.

На середину двора вывезли тележку с лопатами. Какой-то сержант громко крикнул:

– Налетай, подшевелило. Расхватывай, пока дают.

Мужчины, толпившиеся во дворе, по одному, по двое подходили к тележкам, придирчиво осматривали лопаты, выбирая. Девчата не шевельнулись. Многие даже не смотрели в сторону тележки. Майданик стоял чуть поодаль и делал вид, что рота к нему не имеет никакого отношения: как-никак сегодня был выходной день. Сержант расхваливал свой товар и кричал:

– Эй, девчатушки, бери лопатушки, девки-ладушки, бери в лапушки.

Девушки посмеивались, но братья за лопаты не торопились. Сержант ещё что-то выкрикивал, но тут его голос заглушила музыка. Она грянула из-за дома, где располагался передающий центр, и сразу разогнала унылое упрямство и ленивую неподвижность. Бодрые упругие звуки слаженного духового оркестра смели глупый протест, потянули к движению, веселью, действию. Из дверей штаба вышли командир части полковник Хрычиков и все старшие командиры. В руках они несли железные ломы. Полковник обратился к девушкам:

– А ну, красавицы, кто со мной, стариком, на соревнование? Я буду ломом лёд рубить, а вы – лопатами отбрасывать. Девчата засмеялись:

– Мы так наляжем, товарищ полковник, что как бы и вас вместе со льдом не отбросили.

– Ишь вы, какие прыткие. А у меня вон какая команда помощников. Весь штаб за мной. Не может быть, чтобы такие добрые молодцы да не устояли против красных деву-

шек.

– А ну, кто кого?!

Девчата с визгом устремились к тележке. Мигом схватили лопаты и разбежались по двору. Чёткие маршевые ритмы оркестра как будто пружинили в воздухе. Руки сами рвались к работе. Застучали ломы, замелькали лопаты, забегали бойцы с носилками, вытаскивая на свалку накопившуюся за зиму грязь. Азарт движения захлестнул девчонок, и они яростно бросали снег, отгребали лед, нагружали носилки, не желая ни на минуту прервать этого дивного упоения работой.

Эдда Меньшенина, 1942 г.

Звуки знакомых радостных мелодий поднимали в них счастливое ощущение своей молодости, здоровья, красоты, силы.

Перед самым выпуском курсов приехал с инспекцией полковник Рябов оценить внешний вид будущих средних командиров. Едва прозвучала команда «строиться», девушки быстро и охотно выстроились. Они стояли ровным строем по стойке смирно, тщательно выровняв носки. Строй – залюбуешься, но все они

были без чулок, туфли обуты на босые ноги. Разумеется, Рябов не мог проигнорировать такое нарушение формы. Стали разбираться. Но в отличие от Майданика Рябов решил дело быстро:

– Чулки покрасить в чёрный цвет!

Так и сделали. Однако краска оказалась линючей, и все ноги у девчат пошли чёрными полосами. В конце кон-

цов, всё обошлось. Ноги, разумеется, отмыли, а чулки после нескольких стирок перестали линять.

Незадолго до оглашения приказа о присвоении девушкам званий средних командиров их всех сфотографировали на пропуска и для личных дел. Для этого служила одна и та же гимнастерка, которую передавали с плеча на плечо. На ней красовались уже не треугольнички, как у сержантов, а красный кубик – знак различия младшего лейтенанта.

Третьего августа в десять часов утра личный состав женской роты замер на торжественном построении. Чуть в стороне вытянулись свободные от вахты командиры радиозула. Вдоль строя роты под музыку плавно проколыхалось тяжёлое бархатное знамя. На всём пути знаменосцев головы девушек согласно уставу поворачивались лицом к знамени, сопровождая его почётным эскортом взглядов. Знаменосцы заняли места на правом фланге. Музыка смолкла. Появились полковник Хрычиков и начальник штаба майор Фролов. Майданик скомандовал:

– Смирно! Равнение на середину!

Строй чуть шевельнулся и снова замер. Девушки стояли натянутые, как струны. От напряжённого ожидания даже дыхание задерживалось в груди. Старшие командиры медленно подошли к развёрнутому строю. Хрычиков звучно поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Высокие женские голоса дружно выдохнули:

– Здрасс!

Хрычиков продолжал:

– Начальник Центрального штаба партизанского движения поздравляет вас с окончанием курсов младших воен- техников и присвоением первых воинских званий средних командиров.

– Служим советскому народу!

– Товарищ майор, зачитайте приказ.

Приказ гласил, что большинству девушек присвоено

звание младшего воентехника, а троим – Левашовой, Заварской и Филимоновой – младшего лейтенанта.

Хрычиков А.К.

Тоня Филимонова, 1942

Полковник Рябов бывал в ЦРУ (так обычно называли в

разговоре Центральный радиоузел, а иногда говорили просто Центр, на Центре) довольно часто. Как начальник отдела специальной радиосвязи он внимательно наблюдал за жизнью радиоузла.

Ни одно событие не проходило мимо него. Такую заинтересованность подчинённые ценили и платили полковнику глубоким уважением. Отношения были чуть ли не дружескими, когда полковник в неформальной обстановке позволял себе называть подчинённых не по званию, а по имени и отчеству. Они тоже порой и тоже в неслужебное время могли обратиться к нему «Виктор Михайлович».

В один из очередных приездов на центр полковник Рябов вызвал к себе Марину. Здесь уже разговор был сугубо служебный.

– Товарищ младший лейтенант, вы имеете звание строевого командира, поэтому вы назначаетесь командиром взвода девушек, которые вскоре приедут в ЦРУ из Сормова. Это будет отдельный взвод радистов, которых будут готовить к забрасыванию в тыл к немцам. Они будут заниматься здесь, на центре, изучением «Северка», вы его знаете; постоянно тренироваться в приёме-передаче и пройдут парашютную подготовку, чтобы в любой день быть готовыми к забросу в тыл противника. Это подразделение будет называться «взвод резерва главного командования».

Марина сидела ошарашенная. Это что же получается? Она – командир взвода резерва главного командования, а главнокомандующий у нас – Сталин. Выходит, Марина оказывается в подчинении у Сталина? Не слишком ли высоко? Может быть, сомнения и отражались на её лице (ей было всего 17 лет), но вслух она их высказывать не стала. Рябов между тем продолжал:

– Вы подготовите мне список необходимого хозяйственного оборудования и аппаратуры, и через два дня прошу пожаловать ко мне со списком.

Взвод приезжает через неделю. Располагаться он будет

на третьем этаже бытового корпуса на территории передающего центра. К его приезду всё обустройство общежития должно быть абсолютно готово. Есть вопросы?

– А где брать оборудование?

– Со склада, там всё есть. С подготовленным списком договоритесь с комендантом, организуйте уборку помещения и расстановку мебели и аппаратуры.

Через день Марина выложила на стол Рябову подробный список всего необходимого с указанием в надлежащей графе количества требуемых вещей. В списке значились кровати и тумбочки, матрацы, постельное белье, швабры и половые тряпки, радиостанции «Север», отвёртки, паяльники, олово и канифоль. Словом, всё, что необходимо, по мнению Марины, для подготовки радистов, которым предстояло работать в одиночестве, без снабжения запчастями

и подсказок учителей.

Полковник внимательно прочёл список и добавил только одну позицию – 10 кг ваты. Марина очень удивилась, но постеснялась спросить, зачем нужно такое количество ваты. И хорошо сделала, что промолчала. Потом девчата разъяснили этой глупышке, зачем женщинам нужна вата.

Комендант выделил бойцов из хозвзвода, чтоб они носили мебель на 3-й этаж. Разумеется, они не рвались на эту работу, и

пришлось Марине вместе с ними таскать кровати, матрацы и тумбочки, а потом уже одной застилать все кровати постельным бельём и одеялами. Вымыть полы комендант прислал уборщицу.

Как во всяком отдельном военном подразделении, при взводе должен был быть политработник. На эту должность

Оглоблина

назначили старшину Оглоблину.

Лучшего политрука трудно было и придумать. Оглоблина окончила тот же 40-й ОЗРБ, что и все девушки – офицеры ЦРУ. Но она была чуть не вдвое старше любой из девчат. Она участвовала еще в гражданской войне, и остальные относились к ней с робким почтением.

Она казалась им такой заслуженной и мудрой, что они перед ней порой терялись, тем не менее, это не мешало Оглоблиной быть добрым, отзывчивым и чутким человеком. Её улыбка обезоруживала любых недовольных. И те коллизии, которые порой возникали в личных отношениях в жизни девушек, она умела достойно разрешать с умом и тактом. Обиженных никогда не было. Уже после войны, вспоминая Оглоблину, девушки говорили о своем политруке: «Она была нам как мать родная».

Вскоре после назначения командиром взвода Марина должна была заступить на дежурство по части. Дежурство по части! По уставу дежурный по части замещает командира части в его отсутствие и обязан принимать ответственные решения в случае чрезвычайных ситуаций. Их, к счастью, как правило, не происходит, и основной обязанностью дежурного по части является снятие пробы на кухне. Уж в этом случае повара старались от души и наваливали дежурному самые соблазнительные блюда в немалом количестве. Не избежала этого и Марина. В то время скудность питания ощущалась всюду. Недоедали, а то и голодали в тылу, полуголодными часто чувствовали себя на фронте, Маринины родители жили на скудный карточный паёк, который не всегда и выдавали. Родители исхудали до неузнаваемости. Дежурных по части на кухне кормили в то же время, что и караульную команду. Марине налили полную тарелку наваристого борща, а худым истощённым караульным – по полтарелочки жиденького пойла. Неловко было видеть голодные глаза караульных. Но что делать, ведь не отошьёшь же им от себя половину. Может, и следовало так сделать или хоть поварам сказать, но Марина не

догадалась и от смущения съела всё, что дали. Объялась. Потом вырвало. Стыдно было до боли! Запомнила на всю жизнь.

Вскоре после приезда взвода из Сормова и расселения в общежитии жизнь вошла в нормальную колею. Основное время уделялось занятиям по специальности. Девушки тренировались в приёме и передаче азбуки Морзе, наращивали скорость. Учебный класс был оборудован телефонной проводкой. На каждой парте стоял ключ и лежали телефоны. Можно было слушать свою передачу, сигналы преподавателя, передавать ему, а также связываться по выбору друг с другом.

Изучали радиостанцию «Север». Занятия по радиотехнике вела сама Марина. Она старалась, чтобы радиосхему радиации все во взводе знали назубок и могли найти неисправность хоть с закрытыми глазами, умели устранять обрыв, сращивать и паять провода, причём не электрическим паяльником, а таким, который можно нагреть хоть на костре. Быстрому развёртыванию радиостанции тоже немало было посвящено стараний и времени. А когда этому научились, стали входить в связь между двумя станциями. Поначалу больше бегали из комнаты в комнату, выясняя, что там «заело», чем держали связь. Понемножку налаживали.

Как во всяком военном подразделении, во взводе занимались и строевой подготовкой. Вела эти занятия опять-таки Марина. Благо, навыки командования строем Марина приобрела еще до войны в военно-морском кружке и строевые занятия любила. Хотя и знала, что далеко не всем её подчиненным строевая подготовка нравится. Но ничего не поделаешь, армии без строевой подготовки не бывает. Встречались даже такие военнослужащие, что любое приказание, отданное в командном стиле, им уже претило. А если они слышали: «Повторите приказание», — то иногда готовы были идти на скандал, только бы не повторять. Марина этого не понимала. В своё время она выполняла любое требование командира легко и свободно, даже с неко-

торым военным шиком. Того же она ждала и от подчинённых, но порой наталкивалась на отпор.

Тут в пору вспомнить бы Майданика, у которого в роте служила Марина во время своей учёбы на курсах младших воентехников, и то, как он мучился с Мысковой. Не вспомнила. И в очередной раз, когда кто-то из подчинённых демонстративно не стал выполнять приказание, Марина сорвалась и вlepила ослушнице два наряда вне очереди. Только что на гауптвахту не отправила. Девушка посмотрела на Марину злым взглядом, но приказание так и не повторила. Возможно, поэтому, поняв, что Марина с командованием не справляется, через несколько месяцев её снова вернули на приёмный центр оператором радиообмена. А командование взводом передали Заварской, тоже младшему лейтенанту.

Среди девушек во взводе у Марины были и москвички, и жительницы других городов. Москвички в выходной хотели ездить домой, а иногородние — Москву посмотреть. Девушки имели звание сержантов, младших или старших. В армии они называются младшими командирами и имеют право свободно передвигаться в одиночку, вне строя только в пределах той части, где служат.

Для того чтобы уйти из части хотя бы ненадолго, они обязаны иметь разрешение от своего командира, подтверждённое особой справкой с печатью, увольнительной. Её обычно печатают на пишущей машинке. Если сержанта без справки обнаружит патруль, его немедленно арестуют, доставят на гауптвахту, а потом переправят в его часть.

Марина выдавала увольнительные без ограничения по первой просьбе. Но в штабе ЦРУ этого не одобряли. Там считали, что вполне можно давать одну увольнительную на десять человек, пусть так и ходят табунком.

Анна Заварская

Не потому, что «штабные крысы» такие уж заядлые службисты, а потому, что своей штабной работы хватало с избытком. Марине девчат было жалко. Она решила писать увольнительные сама. Договорилась в штабе и засела за машинку. Напечатала множество увольнительных на долгое время вперёд. Заодно и научилась работать на пишущей машинке. Со временем пригодились, как любое умение.

Перед самым освобождением Марины от командования во взвод приехала новенькая. Как она попала сюда, кто её привез, откуда, осталось для Марины навсегда тайной за семью печатями. Новенькая была в форме, в петлицах — сержантские треугольнички. Но весь облик её совершенно не соответствовал военному человеку. Девушка казалась растерянным котёнком, которого подбросили в чужой двор. До невозможности худущая, молчаливая и робкая, она только смотрела на других, не выражая никаких эмоций. Голубые глазёнки чистейшей воды и остренький, как у Буратино, носик дополняли две тоненькие коротенькие косички, рожками торчавшие вверх у неё за ушами. Казалось даже, что она немного горбилась, хотя на самом деле

этого не было. Звали девушку Вероника Андриевская, или просто Вика.

Кто бы мог подумать, что со временем она вырастет в глубокого специалиста по экономике, станет блистательным лектором Московского университета, на лекции которой стекались студенты других факультетов, так что сидели даже в проходах. А для Марины превратится в ближайшую подругу, определившую в некоторой степени судьбу самой Марины.

Но пока ещё Марина была командиром. Довольно скоро одну из девушек, Терентьеву, направили на аэродром. Ей предстояло освоить прыжки с парашютом. А как же Марина? Её, как говорится, «завидки забрали». Она-то думала, что обучение прыжкам с парашютом начнут именно с неё.

И Марина решила принять меры. На станции Тайнинской Казанской железной дороги существовал аэродром. Что за аэродром, Марина понятия не имела. Но всё же отправилась туда. Нашла там инструктора и заявила, что хочет прыгнуть с парашютом. Инструктора такое предложение, к удивлению, не возмутило и не рассмешило. Он терпеливо объяснил решительной особе, что прыгать с парашютом — целая наука. Надо очень долго её осваивать. Мало того, что при этом приходится не однажды летать на самолёте. При этом тратится горючее не известно на кого. Так тратить горючее никто не разрешит. Вот если бы Марина записалась в парашютный кружок, тогда другое дело. Разговор шёл долгий.

Инструктор то говорил с Мариной, то улетал в небо ненадолго. Марина терпеливо ждала. Она призналась, что на самолёте никогда не летала и даже близко около самолета стоит впервые. Может быть, инструктора подкупило Марино терпение, когда она долгие часы сидела и ждала на аэродроме, а, может, то, что Марина была в военной форме, но кончилось тем, что инструктор, несмотря на трату горючего, предложил «покататься» на самолёте и на не-

сколько минут поднял её в небо. Марина приняла воздушное крещение. Особого впечатления оно не произвело. Ни страха, ни восторга она не испытала.

Когда Марину освободили от должности командира взвода, она, попав снова на центр, обнаружила, что за время своего командирства заметно отстала от своих подруг, уже ставших опытными операторами, которым доверяли сложные связи. Пусть не самые сложные и важные, но всё же не такой примитив, как Марине.

Конечно, лучше всех дело шло у опытных радисток, Солкиной и Кулатиной, которые еще до войны работали радистками на морском флоте.

У остальных, как это всегда бывает, работа у приёмников получалась по-разному: у кого-то лучше, у кого-то хуже. Но, пожалуй, наиболее успешное вхождение в операторскую среду получилось у Маши Мысковой; насколько трудно ей давалось выдерживание формальной воинской дисциплины, настолько легко она справлялась со сложными и трудными связями, и быстро выдвинулась в лидеры. И способностей, и упорства у неё хватало.

Вероника Андриевская

Серафима Кулатина

Марине же пришлось снова сесть за тренировки и в приёме и в передаче азбуки Морзе, и в работе в параллель с ведущим связь оператором. Разумеется, что на центре для этого были все возможности. Марина часто принимала корреспондентов в параллель с ведущим сеанс связи радистом. И настройку вела, и текст записывала.

А для отработки передачи на втором этаже центра стоял специальный громадный стол. На нем смонтировано несколько ключей Морзе и наушников, так что можно было по желанию слушать себя или обмениваться текстами с соседями. Стол смонтирован необычно. Всегда во всех электрических сетях ток («горячая линия») подводится к розетке, а уже в розетку включается вилка потребителя тока — электролампа или что-то другое. На этом столе было наоборот. В сети тока не было. Ток подводился к вилке, которая свободно лежала на столе с открытыми клеммами, т.е. вилка была «горячей линией». Если хочешь потренироваться, включаешь эту вилку в розетку на столе, и в сети появляется ток. Если вилка в розетку не вставлена, как нередко бывало, то, коснувшись её ножек, чувствуешь ощу-

тимый удар тока. Марина придумала себе забаву на «горячей» вилке. Она «воспитывала волю».

Брала вилку правой рукой и втыкала её ножки себе в ладонь левой руки. Это не опасно. Ток через тело не идёт, он замыкается всего только между двумя ножками вилки на небольшом участке ладони, но чувствительно. Вот и интересно – сколько выдержишь? Вначале удавалось лишь прикоснуться, а потом дошло и до нескольких минут, даже с нажимом. И ничего, выдерживала, хотя руку трясло. Так вот развлекалась.

Время шло. Привычно крутились смены, начиная с 4 часов дня: 8 часов – работа, 8 – отдых, еще 8 часов – работа и опять 8 часов – отдых, 8 часов – ночная смена до утра и потом – выходной день 32 часа. Можно съездить к родителям, переночевать дома, можно сходить в кино, в театр. Уезжать из гарнизона, где жили, увольнительной не требуется: всё-таки офицеры большинство.

Мария Мыскова и Екатерина Антипова

Как-то Марина и Валя Короткова, возвратившись из театра, встретили полковника Рябова. Он, как всегда, поинтересовался, что смотрели. Девушки в один голос ответили чётко, по-военному: «“Укрощение строптивой” Шекспира в театре Красной Армии».

– Ну как, понравилось?

– Понравилось, – согласно ответили обе. – И пьеса интересная, и артисты играют хорошо.

А Марина добавила:

– Только идея не понравилась. Как можно человека укрощать? И как это она все-таки укротилась?

Полковник рассмеялся:

– Конечно! Такая идея вам уж никак понравиться не может.

Марина улыбнулась. Хорошо знает полковник Рябов мысли и склонности своих подчинённых.

Такой разговор был не случаен. Отношения с бывшими курсантами роты младших воентехников сложились у Рябова чуть ли не дружеские. Девушки очень ценили полковника, доверяли ему и считались с его мнением во многих серьёзных случаях жизни.

А главным в их жизни было то, что они попали не туда, куда хотели. Добровольно вступая в ряды Красной Армии, они рассчитывали попасть в партизанский отряд. А тут никакой партизанский отряд им не светит. Из ЦРУ если и отправляли, как они думали, то в обычную командировку куда-нибудь в посольство, а это не то. После долгих обсуждений они решили действовать и всё-таки попасть в партизанский отряд, пока еще не поздно. Но как? Прежде всего они решили поставить в известность полковника Рябова, попросить его, чтоб послали.

Галина Крылова

Эдда Меньшенина, 1943

Среди девушек-офицеров очень сильны были стремления попасть на фронт и в партизаны. Все они были добровольцы, для того и в армию шли, а тут сиди в ЦРУ под крылышками у родителей. Некоторые горячие головы уже намеревались просто удрать на фронт. Одна из самых красивых девушек-офицеров Галя Крылова на этом и погорела. Её отправили из ЦРУ на другой радиоузел, но не на запад – на фронт, а на восток.

И работа, и жизнь, и бытовые условия такие же, как в Москве, только на фронт не убежишь. Однажды Галя возвращалась с кино домой, в часть. Проголосовала на попутную машину. Оказалось, что в машине ехал какой-то японец, то ли военный советник, то ли дипломат.

По приезде Галю задержали, как человека теоретически имевшего возможность вступить в контакт с иностранцем. А вскоре ее и вовсе уволили из армии домой. Разведка есть разведка, с ней дела плохи. Дальнейшая судьба Гали неизвестна.

Валю и Марину судьба (а, может, они сами) уберегла от такого поступка. Для начала они попросились на приём к полковнику Рябову. Он принял их у себя в кабинете в управлении, где они ни разу не бывали и прежде даже не знали, где оно находится.

Обычный канцелярский стол. За столом – Рябов. Напротив сидят два младших лейтенанта – Короткова и Левашова. Рябов начал разговор:

– Говорите, в партизаны захотели?

Валя ответила:

– А как же? У нас чуть ли не все в партизаны или на задание рвутся. Добровольцы ведь все.

Марина добавила:

– Для того и в армию шли, а не для того, чтобы в ЦРУ сохнуть.

– Вы не сохнете, вы государственное дело делаете, гораздо более важное, чем в партизанах.

– Здесь кто угодно может работать, пусть и работают, а

мы хотим туда, где не всякий справится.

– Вы рвётесь в партизаны, на фронт, а куда рвётесь, не представляете.

– Как это не представляем?

– Жизнь в землянке. Холод, голод, грязь. Мыться негде. Вши – обычное дело. Чесотка, болезни. Врачей нет. Хорошо, если какая-нибудь медсестра имеется. Еда часто и подолгу всухомятку, потому что огонь разводить нельзя – обнаружат. Вы этого хотите?

– Специально этого мы не хотим, но нам это не страшно. Другие выдерживают, и мы выдержим. Там по-настоящему чувствуешь, что нужна.

– А сколько там народу гибнет! Редко кто выживает.

– Но ведь и выживают же!

– Думаете, вам повезёт?

– А вот посмотрим. Вы только пошлите.

– Нет. Вы классные радисты. Там таких не нужно. Клепает на ключе чуть-чуть, и достаточно. Вы нужны здесь.

– Здесь кто угодно справится.

– Ну, вот что. Упираетесь – дело ваше. Но не даром говорят: своя рубашка ближе к телу. Мы вас учили, готовили, произвели в офицеры, а теперь отдадим какому-то дяде? Не выйдет!

– А мы всё равно будем пытаться.

– Ну, что ж, борьба?

– Борьба, товарищ полковник!

С высоко задранными носами две дурочки величественно выплыли из кабинета. Полковник сдержал смех. А девчонки решили действовать.

Сначала они отправились в ЦК комсомола. Недаром именно оттуда отправили в партизаны Зою Космодемьянскую. Хотели записаться на приём к самому Шелепину, который был тогда секретарем ЦК ВЛКСМ. Но Шелепин оказался в отъезде. Попали к какому-то его заместителю. Тот их внимательно выслушал, проверил документы и ответил:

Валя Короткова

– Вот что, девушки. Такие энтузиасты нам нужны. Но мы не можем вас взять – вы уже в армии. И можете обращаться с просьбой только к вашему начальству. Как оно решит, так и будет.

Когда Валя и Марина вернулись в часть, они сразу же встретили обоих полковников, Рябова и Хрычикова. Увидев девушек, оба просто покатались со смеху. Им, конечно же, доложили о визите девчат в ЦК комсомола и об их переговорах там. На то она и разведка.

Однако они не остановились. Через несколько дней придумали следующий маршрут – в Центральный штаб партизанского движения. Может быть, это окажется ближе к цели. Там даже партизан можно встретить. Узнали, где он расположен, кто там главный, и, явившись туда, потребовали встречи с самим его начальником – полковником Тимошенко. Не с маршалом Тимошенко, входившим в

главное командование страны, а всего лишь с полковником Тимошенко, начальником штаба партизанского движения. Разумеется, их до него не допустили, предложили ограничиться его заместителем (фамилия которого забылась). Он их выслушать не отказался, но в конце разговора добавил, что им следует служить там, куда они направлены. Они попробовали, было, выяснить у подполковника, как им следует у себя в части объяснить свой визит к нему. Он ответил просто:

— А вы соврите. Вы что же, в партизаны собираетесь, а врать не умеете?

Уже тогда, когда им отметили пропуска на выход, они заметили человека в шапке, на которой была нашита красная косая полоска. Партизан! Разговорились. Сказали, что хотят в партизаны, но не знают, как попасть. Он ответил:

— Я туда улетаю. Мне нужна радистка. Вылет завтра.

— А нас возьмете?

— Мне нужна одна. Двоих не возьму.

— А как же другая? Может, возьмёте двоих? Оставшейся ведь попадёт.

— Нет, двоих не возьму.

— Что будем делать, Марина?

— Одной нельзя. И кто поедет, а кто останется? Все шишки ведь на оставшуюся свалятся.

— Жалко. Значит, не полетим.

При ближайшей встрече полковник Рябов объяснил подружкам, что, если бы кто-то улетел, она в партизанах бы не осталась. Её контрразведка быстренько сумела бы вернуть и — под трибунал. И судили бы за измену Родине. Где доказательства, что она не собиралась перебежать к немцам? Они работают на Центральном радиоузле, они слишком много знают, и рисковать такой утечкой гостайны нельзя.

Больше Валя с Мариной не делали попыток попасть в партизаны. Хорошо хоть так обошлось. Не понятно, почему они не догадались просто подать рапорты по начальст-

ву с просьбой отправить их на фронт или в партизаны. Такое ведь случалось, бывало, что рапорты удовлетворяли. Видно, симпатия к полковнику Рябову подвела. Да и не догадывались по молодости, что разговор — это сотрясение воздуха, а рапорт — уже серьёзно. Известно, без бумажки ты — букашка. А вот не догадались. И уж во всяком случае, во враги народа за рапорт записывать никто бы не стал.

Война уже очень далеко прошла за границу страны. Все наши корреспонденты находились за линией фронта. Расстояние до них увеличилось. Слышимость ухудшилась. Даже очень мощные радиопередатчики и сверхчувствительные радиоприемники ЦРУ недостаточно уверенно порой обеспечивали связь. Было решено приблизить Центральный радиоузел к его корреспондентам. Но как? Организовать промежуточный передвижной приёмо-передающий радиоузел связи. Послать на фронт машины связи. Начальником передвижного центра стал Виктор Иванович Повалихин. Центру выделили две грузовые автомашины, оборудованные передатчиками РАФ и приёмниками Хамарлунд. Питалась аппаратура от аккумуляторов, стоявших в той же машине. Заряжались эти аккумуляторы, как и аккумуляторы самой машины, от работающего двигателя. Так что эти минирадиоузлы оказывались полностью автономны и могли вести приём и передачу радиogramм из любой точки территории, куда бы им ни случалось попасть.

Организовали регулярные занятия экипажей машин по изучению и освоению аппаратуры, чтобы они не терялись ни при каких обстоятельствах, будучи в отрыве от технического, научного и материального потенциалов центра. Девушки-радистки были из бывшего Маринино взвода. И хотя они там изучали радиodelo, но тогда речь шла только о маленькой, чтобы не сказать крошечной, радиостанции «Север», «Северок», как её ласково называли. А здесь — мощный передатчик и громадный приёмник. Радиотехника — да не такая, приходится изучать.

Виктор Повалихин (слева)

Марина-то это изучала, когда занималась на курсах воентехников. А девушки-сержанты впервые. На занятиях присутствовали все вместе. И Марину очень удивило, что преподаватель ведёт опрос только сержантов, а Марину не спрашивает ни о чём. В перерыве наедине спросила у преподавателя почему. Преподаватель ответил, что командира в присутствии подчиненных не спрашивают, чтобы не ставить в неловкое положение.

– Почему? Ведь я знаю!

– Таковы правила устава.

Тут уж не возразишь, устав есть устав. Не удалось Марине блеснуть своими знаниями.

Уже тогда, когда Марина была назначена командиром машины и, следовательно, оказалась в подчинении у Повалихина, у неё с ним произошло столкновение. В армии существует правило: при встрече в любом месте двух или более военных людей младший по званию обязан приветствовать старшего по званию отдаванием чести: приставить руку к козырьку фуражки и смотреть на старшего по званию,

пока проходит мимо него. Но Марина была особа занозистая и, если кого не любила, то и не приветствовала. Разумеется, Повалихину об этом доложили; непорядок. Он вызвал Марину и сделал ей выговор. Марина не сдавалась.

– Зачем я буду приветствовать того, кого не уважаю?

– При чём тут уважение? Устав армии писан для всех. Армия не может быть армией, если военные люди будут не уставу подчиняться, а действовать по своему желанию и разумению, по симпатиям и антипатиям. Поссорился человек с соседом и перестал разговаривать. А если приказ наступать? Будет сброд, а не армия. Вы присягу принимали? Обязаны действовать по уставу. В лице старшего по званию вы приветствуете не его лично, но его звание и своё согласие с уставом. Военный человек обязан в любой момент чувствовать себя на службе.

Хотя Марина всё поняла и согласилась с этим, Повалихин всё же дал ей трое суток домашнего ареста. Пришлось сидеть дома. Марина не сомневалась, что Повалихин придёт проверить, каком виде она там находится. Арестованный домашним арестом обязан быть в полной форме, но без ремня – в знак того, что он арестован. Именно этого и потребовал от неё Повалихин, когда пришёл проверить. Она спорить не стала, ремень сняла, но про себя подумала, что она дома одна и её все равно никто не видит. Ох, уж эти женщины!

В задачу обслуживания передвижной радиостанции входила и заливка аккумуляторов – источника питания передатчика и приёмника. Аккумуляторов была целая батарея. Заливка происходила в гараже, там же, где стояли машины. Гараж хороший, благоустроенный, с асфальтовым полом. Там же стояли ёмкости с электролитом. Это стеклянные 20-литровые бутылки (или 30?). Надо её поднять и тоненькой струйкой лить точно в отверстие каждой из банок аккумулятора, сколько надо. Электролит – щелочной, едкий, поэтому делают разливку в резиновых перчатках. Он при этом, как правило, немного проливается, и стеклян-

ная бутылка становится скользкой. Может, и можно было попросить шофёра (или даже приказать) разлить электролит по банкам аккумулятора, но Марина привыкла всё делать сама, да и мало ли что будет на фронте. Она подняла здоровенную бутылку, которая, конечно же, оказалась доверху залита электролитом, сделала шаг, и скользкая бутылка, вырвавшись из её рук, с грохотом бухнулась об асфальт. От асфальта электролит плеснул Марине прямо в лицо. Она сразу почувствовала нестерпимое жжение в глазах. Электролит – очень концентрированная щелочь, можно ослепнуть. Марина бросилась в столовую промыть глаза. Сама добежала или довёл кто-то – не помнит. Открыла кран водопровода и подставила лицо. Глаза щипать перестало. Приоткрыла щёлочку глаза – видит! Ну, повезло! Ещё раз промыла для контроля и пошла обратно, но, видно, не всю щелочь смыла. Оставшиеся капли разъели Марине щёку и кончик носа. Пришлось долго лечиться в косметическом кабинете парикмахерской. Но на носу так и остался шрамик на всю жизнь.

То ли из-за этого случая, то ли потому, что начались перемены на фронте, наши войска пошли в наступление и освободили те районы, с которыми собирались держать связь, но отъезд отменили.

Позднее всё-таки отправили на фронт машину, но там все радисты были девушки-офицеры, младшие воентехники, а командир – старший лейтенант Сусликов. Так Марине и не удалось попасть на фронт.

Долгое время приёмный и передающий центры ЦРУ ютились в непригодных помещениях чужих зданий, освобождённых их законными владельцами вследствие вынужденной эвакуации во время войны. Приёмный центр – в здании геологического института НИГРИЗОЛОТО, а передающий – чуть поодаль. И тот и другой территориально располагались на Воробьёвых горах. Но, в конце концов, специально предназначенные для радиоузла здания были выстроены. Первым переезжал в свои новые апартаменты

приёмный центр. Работать стало несравнимо удобнее.

В прежнем здании все радисты-операторы сидели в одном большом зале. В новом каждый оператор находился в отдельной кабине. Ничто и никто ему не мешал.

Заступление на дежурство очередной смены началось с построения. Оно происходило в специально предусмотренном месте – вблизи от пульта управления антеннами. Начальник смены распределял работу. Он называл фамилию оператора, корреспондента, с которым следует вступить в связь, выдавал оперативный журнал, назначал номер кабины, где будет работать оператор, а также давал ориентировку направления, в котором будет идти связь. Начальник же с пульта управления антеннами коммутировал нужную антенну в нужную кабину.

За всеми корреспондентами были закреплены их вахтенные журналы, и каждый сеанс связи записывался в такой журнал определённого корреспондента. По журналу можно было судить, когда и как проходила связь, кто её вёл. Но можно было определить даже характер и темперамент работавшего оператора. Иногда в журналах выражалось недовольство проходившей связью, а то и просто делались посторонние записи, вплоть до стихов. Разумеется, начальство выражало по этому поводу недовольство. Но до взысканий дело, кажется, не доходило. Разве что в стенгазете пропесочат.

Рабочая нагрузка на протяжении дежурства распределялась далеко не равномерно. В ночные часы связей меньше. С наступлением дня корреспонденты оживают, число связей растёт. В комнате отдыха стоял мягкий диванчик, свободные от работы люди усаживались на него и просто спали в ночное время. Это не возбранялось. Начальник смены вызывал на работу с диванчика. Тут уж, конечно, было не до сна. Хотя и такое случалось. Ни во время самого сеанса связи, естественно, не заснёшь, ни когда «сидели на контроле», как это называлось, и вылавливали в эфире неожиданный вызов корреспондента вне расписания. Та-

кие вызовы считались особо важными. Это означало, что корреспондент имеет срочное донесение и пытается уйти от слежки со стороны противника. Но как бы ни были важны такие вызовы, природа брала своё, и случалось, кто-то засыпал на контроле.

Однажды это случилось с Мариной. Она сидела одна в кабине, водила ручкой настройки и так заснула, что не почувствовала, как в кабину вошёл начальник смены Крещук и вынул у неё из-под рук журнал.

По этому случаю она написала на себя эпиграмму.

*Сидя на контроле ночью,
Оператор клевал носом.
До того он, милый, спал –
Два «квадрата» прозевал.
Прозевал не только «птиц»,
Не нашёл своих таблиц.
И журнал, как ни печально,
Вынул из-под рук начальник.
Сидя за контролем ночью,
Оператор клевал носом.*

Контроль за работой операторов осуществлялся не только с помощью вахтенных журналов. Существовала служба внутреннего контроля, когда контролирующий оператор прослушивает работу своего коллеги на предмет правильности ведения связей, выявления лишних разговоров и непредусмотренных сообщений. Этому контролю придавалось очень большое значение. Достаточно сказать, что работавшие там девушки-офицеры Катя Гладышева (Тарасова) и Шура Лысикова (Грушанина) в конце войны были награждены орденами Красной Звезды – чуть ли не единственные из всего состава операторов ЦРУ.

П. И. Крещук

Зуд сочинительства одолевал Марину везде: и в школе, и в армии, и в дальнейшей жизни. Везде она состояла в редколлегиях стенных газет и, разумеется, писала о недостатках и казусах в жизни коллективов. Так и это стихотворение она поместила в стенгазету, так как считала, что, если пишешь о недостатках других, надо писать и о своих. Кроме Марины, в редколлегии состоял старший техник – лейтенант Королёв, работавший в оперативной части приёмного центра. Через его руки проходили все вахтенные журналы корреспондентов, и он выбирал оттуда смешные и нелепые случаи в работе операторов, а потом они вместе – Марина и Королёв – в очередное ночное дежурство писали эпиграммы на тех, кто заслуживал. Писали и в прозе, и в стихах, и стенгазета получалась острой и занимательной. Оформлял её профессиональный художник из их же части. Интересная и красивая была газета. И Марине нравилось её участие.

Однако и по основной специальности (радистка) дела

Марины шли не так уж плохо. Она, конечно, и мечтать не смела сравниться с Кулатиной или Солкиной. Обе были радистками ещё до войны, на флоте. Такие связи, которые доверяли им, Марина не сумела бы вытянуть. Но зато Марина умела очень быстро записывать текст ручкой. Натренировалась ещё в школе, когда записывала урок за педагогом, а на перемене рассказывала одноклассникам. По некоторым предметам учебников тогда просто не было. А в ЦРУ такое умение оказалось нужным.

Предвидя неминуемый конец войны, страны антигитлеровской коалиции выдвинули инициативу обсудить будущее устройство послевоенного мира. Родилась идея Организации Объединённых Наций. Союзники договорились сообща обсудить проект её устава. Каждая страна вносила свои предложения. А дальше шел радиообмен. Из Лондона открытым русским текстом потоком шли радиogramмы с адресом: Москва, Кремль, Молотову. Раньше все радиogramмы передавались только цифровым шифром. А тут — обилие открытого текста, сплошной поток русских слов. Вот тут Марина и пригодилась. Она принимала радиogramмы с такой скоростью, как только успевала записывать ручка, которая просто летела по бланку, на котором она писала. Марина так входила в эту бешеную скорость, что, когда уходила на обед, ела, не успевая разобрать, что ест, и без оглядки бегом устремлялась обратно. Ах, как ей это нравилось! До чего здорово чувствовать себя нужной! Всё время, пока передавали устав ООН, Марина сидела на этом приёме. Запомнила на всю жизнь.

Нонна Цыбанова

Ася Кожнева

Такие эпизоды работы, что запоминаются на всю жизнь, случались, конечно, не только у Марины. В основном это связано с командировками, в которые направляли операторов приёмного центра. До войны это были только мужчины. Они бывали в Испании, Китае, других странах. А во время войны появились женщины. Полковник Рябов не промахнулся, включив их в состав операторов приёмного центра и дав им военное образование на курсах младших воентехников. Их окончили более 30 девушек. В дежурных сменах женский контингент составлял более половины личного состава.

Таня Медведева

И женщины не ударили в грязь лицом. Их посылали в ответственные командировки. В них побывали Соня Бобылева (Бухвалова), Валя Короткова (Сергеева), Нонна Цыбанова, Аня Заварская (Мазурова), Сима Кулатина (Александрова), Люба Кузнецова (Мищенко), Маша Мыскова (Веселова), Вероника Андриевская, Клава Соколова (Лупандина), Люба Виноградова (Богачева) с мужем, Женя Хохлова (Сусликова), Нина Афанова (Заяц), Маша Чугунова (Смирнова) с мужем и другие, чьи фамилии установить не удалось.

А многие уже ушли из жизни.

А вот Тоня Филимонова, Маша Тюрина (Гусева), Катя Антипова (Железнякова) попали в такую необычайную командировку, что её, пожалуй, можно назвать наиболее значимым событием, коснувшимся приёмного центра ЦРУ. Они обслуживали связью Тегеранскую конференцию руководителей трёх союзных держав антигитлеровской коалиции – Сталина, Рузвельта, Черчилля. Конечно, девушки не

встречались непосредственно с этой великой тройкой (не

Катя Гладышева

Лидия Степанова (Щербинина)

тот уровень), но без их работы не смогла бы работать и тройка великих. Для девушек чудом было уже то, что они попали из заснеженной, скудной, военной Москвы в ослепительный южный город, ошеломляющий всеми соблазнами потребительского рынка.

Однако восхитительный земной рай обернулся настоящим пеклом. Постоянная изнурительная жара под 50 градусов С. Даже дышать трудно, несмотря на открытые окна. Аппаратура раскалялась, не дотронешься. Для работы служили два приемника. На одном работали, другой “отдыхал”, остывал.

Радиообмен напряженный, круглосуточный. Работали по восемь часов без отдыха и без выходных.

Рядом с оператором всегда стояло ведро с водой, да и вода-то теплая, если не сказать – горячая, но все таки можно немножко побрызгаться.

Ночами чуть-чуть легче, но ночная работа сама по себе трудное дело. Выматывались все здорово.

Необходимо упомянуть ещё одну чрезвычайной важности работу, которая могла оказаться необходимой в ходе войны, но, к счастью, не понадобилась.

В первый период войны вражеское наступление было столь стремительным, что к октябрю 1941 года возникла угроза самой Москве. Город сдавать не собирались, но готовиться к возможным неожиданностям следовало обязательно.

Таня Медведева тогда училась на курсах радистов. Тогда приехал Эрнст Кренкель, всемирно известный радист, державший связь с дрейфующей льдины – папанинской станции «Северный полюс – 1». Установить радиосвязь с Кренкелем мечтали коротковолновики всего мира.

Приехав на курсы радистов, Кренкель спросил: «Кто хочет вступить в Красную Армию?» – Таня сразу подала заявление. И очень скоро оказалась в группе радисток, которых готовили для агентурной работы на случай, если враг займёт Москву. В состав этой группы входили: Таня

Медведева (Игнатова), Ася Кожнева (Сулина), Катя Гладышева (Тарасова), Лида Степанова (Щербинина), Лида Дубровина и еще несколько человек, чьи имена установить не удалось.

Девушек расселили по московским квартирам. Некоторые из них остались жить там же, где жили и до войны, как, например, Таня Медведева. Им выдали приёмо-передающую аппаратуру, щедро снабдили продуктами, тепло одели в преддверии близкой зимы. Но в спешке набралось немало недочётов. Одели их всех одинаково – пальто с котиковым воротником и белые фетровые валенки. Поймай одну – выловят и других. Аппаратура для домашней электросети в маленьком деревянном домике, где жила Таня, оказалась слишком мощной. Когда Таня начала вести пробные связи, свет садился во всём доме. В такт тире и точкам азбуки Морзе радиogramмы легко читалось всё сообщение. Мама Тани знала, чем занимается дочь, а чтобы скрыть это от соседей, Таня работала во время воздушной тревоги, когда соседи уходили прятаться в щель. Но вряд ли она смогла бы так работать в реальной обстановке агентурной связи. Выловили бы всех в два счета. Хорошо хоть не понадобилось! Выстояли войска!

У Лиды Степановой (Щербининой) при подготовке к агентурной работе была выбрана другая схема. Предполагалось, что она также останется в Москве, если Москву придётся оставлять. Её познакомили с резидентом Копейкиным Николаем Николаевичем (ему же поручалось в случае необходимости взорвать здание Центрального телеграфа), который будет добывать разведывательные данные и передавать их радистке Степановой для сообщения советскому командованию. Были выбраны две квартиры. Одна та, где жил резидент до войны, на другой поселили Лиду. В квартире резидента была отдельная комната для Лиды, и когда началось опробование системы связи, Лида работала там.

Бывшие курсанты роты младших воентехников работа-

ли не только на приёмном центре операторами и ездили в командировки. Некоторых из них пригласили в управление специальной радиоразведки. Там служили Вероника Александровна Андриевская, Клавдия Ивановна Соколов (Лупандинава), Екатерина Алексеевна Антипова (Железнякова). Там же работал Анатолий Моисеевич Щербинин, в военные годы тоже служивший в ЦРУ оператором.

Щербинин окончил Академию связи в Ленинграде, а через несколько лет ему доверили пост начальника отдела службы специальной радиосвязи, и центральный радиопункт оказался у него в подчинении. Во времена службы в ЦРУ девушек-курсантов этот отдел возглавлял полковник Рябов Виктор Михайлович.

Кроме командировок и текущей работы в ЦРУ, как в любом трудовом коллективе в советские времена, велась и общественная работа, существовали комсомольская и профсоюзная организации. И в той и в другой много лет работала Мария Васильевна Чугунова (Смирнова) – человек с глубочайшим чувством гражданской ответственности. Любое порученное дело она стремилась довести до успешного конца.

В ЦРУ она приехала в 1943 г., доставив в Москву 16 девушек – выпускниц 40-го ОЗРБ. Сразу попала на курсы младших воентехников. Дальнейшая армейская служба Маши Чугуновой неизменно сопровождалась ответственной общественной работой. Неоднократно она избиралась членом комитета комсомола. Несколько лет подряд – член профсоюзного комитета части. Была в командировке вместе с мужем. Восемь лет отдала Мария Васильевна Смирнова депутатской работе сразу в двух территориальных объединениях – поселковом и городском Советах.

А. М. Щербинин

В ее ведении были образование и медицина. Очень часто приходилось выезжать на места с депутатскими заданиями. Разумеется, никто ей персональной машины не предоставлял, ездила общественным транспортом в любую погоду – в дождь, снег, мороз. Следила за строительством госпиталя на месте школы в военном городке.

Конечно, приходилось часто выступать с трибуны с критикой каких-либо недостатков. Случалось вызывать недовольство начальства. Но недостатков она не замазывала. Уставала, конечно, ужасно и как-то посетовала комиссару: «Что ж вы меня так нагружаете?»

Комиссар ответил: «Кто везет, на того и нагружают». Но без Маши Смирновой гарнизону не хватало бы её деловой хватки. Она всегда была в курсе всех дел. Тем, кто хотел что-то узнать, советовали: «Спроси у Маши Смирновой» – или говорили: «Позвони Марье Васильевне».

Мария Чугунова (Смирнова)

Со временем на приёмном центре было организовано соревнование. Тогда вся страна соревновалась: больше, лучше, быстрее – и в промышленности, и в сельском хозяйстве, на фронте и в тылу, даже в школах. Спортивных олимпиад не было. Не до спорта во время войны.

На приёмном центре соревновались в радиосвязи дежурные смены. Кто быстрее и качественнее проведет сеанс связи во время дежурства, кто больше выловит зовущих корреспондентов на контроле, у кого больше окажется процент состоявшихся связей. После окончания смены начальник подводил итоги работы. Бывали и огорчения. Как-то пришло письмо от девушки-радистки из немецкого тыла. Корреспондент Ласточка писала, что бывает трудно устанавливать связь. Случается, зовёшь-зовёшь, а центр не отвечает. Садятся батареи, а достать их очень трудно. Значит, мы пропускали её вызовы. Огорчение было всеобщим и далеко не на один день. Зато однажды в Марининой смене случилось, что сумели выполнить сто процентов запла-

нированных связей. Это сообщение начальника встретили восторженными аплодисментами.

В военном городке Марина снова встретилась с Викой Андриевской. Она очень изменилась. Косичек-рожек больше не было. Держалась намного увереннее. В прошлые встречи Марина не сумела оценить Вику. Она казалась тогда исхудавшим настороженным котёнком, неизвестно как оказавшимся в стае смелых и дерзких ворон. Теперь это был совсем другой человек. Робости у нее не было и следа, а в уверенности в себе она могла бы поспорить с самой Мариной, несмотря на весь Маринин гонор и апломб. Они быстро подружились. Обе были горячие поклонницы Чернышевского. Обеим импонировала его теория разумного эгоизма. Они даже думали, что на таких принципах стоило бы строить общество, о будущем устройстве которого они нередко беседовали. Разговоров бывало много, в частности, о Софье Ковалевской – женщине-математике, карьере которой, возможно, Вика бы с удовольствием повторила.

За такой беседой их однажды застал Повалихин, который к тому времени уже не был начальником Марины, но оставался начальником передвижного центра и старшим офицером. Марина в тот день дежурила по части. Стол дежурного стоял в вестибюле при входе в приёмный центр. За ним Марина и сидела. Но стул был только один, поэтому Марина посадила Вику к себе на колени, чтобы удобнее было разговаривать. Тогда и вошёл Повалихин. Разумеется, он сделал замечание, что не годится дежурному по части при исполнении служебных обязанностей держать сержанта у себя на коленях. Вика, конечно, сразу встала, встала и Марина. Как-то извинилась. Последствий это не имело.

Разумеется, Вика очень скоро разобралась в Маринином весьма высоком мнении о самой себе. Об этом же, случалось, говорили ей ещё ребята в школе. Поэтому Викины слова, что Марина недостаточно чуткий человек по отношению к другим людям, Марину глубоко задела, и

она спросила:

- А что надо делать?
- Постараться стать более чуткой.
- Но как?
- Надо страдать, тогда чуткость придет сама.

И Марина, и Вика до войны успели окончить только девять классов средней школы. Это ещё больше их сблизало. И обе не собирались останавливаться на достигнутом. В прицеле у обеих была средняя школа. Марина даже думала об академии связи, раз уж море она оставила. Но всё же из армии уходить не собиралась, поэтому намеревалась учиться в академии связи в Ленинграде. Однако оказалось, что в академию поступают, предварительно окончив институт. Так или иначе, но школу кончать надо. Как-то раз она проходила по улице в центре Москвы в районе Центрального телеграфа и увидела объявление, что идёт набор в 10-й класс на заочное обучение. «О! Это как раз для меня», – подумала она. Записалась и начала заниматься.

С тех пор всё свободное время Марина отдавала занятиям. Так как в офицерском общежитии в комнате Марины стол был один и часто занят, она занималась у своей постели. Выдвигала чемодан из-под кровати, раскладывала на постели книги и тетради – вот и комната для занятий. Занималась даже, когда в комнате танцевали. На консультации ездила после ночной смены в свой выходной день. В этот день ночевала дома у родителей, а возвращалась в часть к началу своего дежурства в 4 часа дня. На выезде из Москвы находился контрольно-пропускной пункт, где останавливалась любая машина. Нетрудно попросить попутного шофёра подбросить до городка. Все, кто ездил на выходной в Москву, так и путешествовали.

Однажды она придумала проделать этот путь на лыжах. В городке грех было на лыжах не кататься – все условия для того есть. И Марина, конечно, не упускала случая. Встала на лыжи у контрольно-пропускного пункта и дви-

нулась. Скоро стемнело, а идти еще – ой-ой, сколько! Боялась волков. До городка дошла, но явилась за полночь и заработала рожистое воспаление ноги. Так сказал врач. Обошлось.

Уехать в Москву можно было разными способами. Чаще всего голосовали на попутную машину. Можно было и пешком пройти 10 км до станции железной дороги и потом ехать на электричке. Был и гарнизонный автобус. Он отправлялся каждое утро около 9 часов прямо в Москву. Ночная смена перед длинным выходным заканчивалась в 8 утра. Если не задерживаться, можно успеть и на автобус. Так Марина обычно и ездила в свою школу. Ездила час-тенько – консультации, зачёты, а потом и экзаменационная сессия. Это несколько дней подряд. Марина не надеялась, что в части ей дадут отпуск на сессию. Там не очень благо-склонно относились к её учебе, особенно комиссар майор Вепрев. Он считал, что военный человек должен отдавать все свои силы службе, а не распыляться на личные дела. Поэтому Марина решила постараться сдать некоторые экзамены досрочно, в те дни, когда у неё будет выходной, а в школе окажется экзаменатор.

С таким намерением она накануне экзамена уложила все свои учебники в чемодан, чтобы одним разом увезти их на автобусе. Чемодан получился увесистым. Это был даже не чемодан, а желтенький фанерный баульчик, с такими еще в гражданскую войну колесили по просторам России спугнутые с насиженных мест русские люди. С этим баулом Марина вышла в ночную смену, чтобы сразу после работы поспешить на автобус.

И тут случилась непредвиденное. Пришёл политрук Чернов и объявил, что сегодня после ночной смены все остаются сажать цветы. Всё, автобус «накрылся». О том, чтобы отпроситься на экзамен, Марине даже в голову не пришло. Часа два ушло на озеленительные занятия. А потом Марина взвалила баул на плечо (иначе слишком тяжело было нести) и потопала в сторону станции на электричку.

Пешком. Можно бы попробовать проголосовать на попутную машину, но это как повезёт. Может и не получится. А до станции 10 км. Экзамен сегодня в пять. Должна успеть.

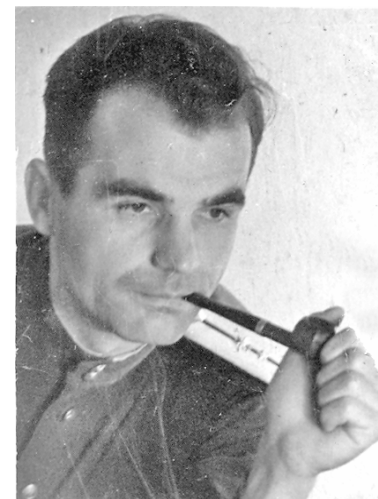
Просёлочные дороги – не проспект: то песок, в котором вязнут ноги, то о корни спотыкаешься. Да и спрашивать дорогу у кого-то надо. Впервые шла там, нетрудно и заблудиться. Шла и досадовала. Уставала, садилась отдохнуть, плакала, потом взваливала баул на плечо и снова шла. Угораздило же начальство именно сегодня придумать цветочки сажать!

По дороге попала речка. Моста нет, деревня далеко. Хорошо хоть мелкая речка, воды по пояс. Народу вокруг никого. Задрала юбчонку выше головы, перешла вброд, пришла на станцию усталая, но довольная – успевала на экзамен. Электричку долго не ждала – хоть в этом повезло. Дома успела даже принять душ, переоделась в гражданское – и в школу. Экзамен сдала на «5».

Однако не все экзамены удалось сдать досрочно. Большая часть предметов все-таки группировалась в обычную экзаменационную сессию, которая грозила растянуться дней на 10. Надо их найти, иначе пропал год учёбы. Но как их найти? Об отпуске и мечтать нечего. Не дадут. И Марина решила рискнуть.

Радисты, как известно, работают на ключе правой рукой. А если рука больна, работать нельзя. Тогда – свободное время. Можно сдавать экзамены, пока рука не заживет. Она решила повредить руку, но не очень серьёзно. Приехала домой, вскипятила кастрюльку воды, да еще набросала в кипяток много мелких клочков бумаги, чтоб горячее было, и опрокинула это варево себе на правую руку. Больно было. Ещё как! Даже очень больно. Нарочно ничем не стала мазать и успокаивать боль. Когда приехала в часть, рука была красная, как варёный рак, и во всю тыльную часть ладони от запястья до кончиков пальцев вздулся водяной волдырь. В части руку обработали и направили Марину в

поликлинику Генштаба, куда были прикреплены сотрудники ЦРУ.

Чернов

Рука болела. Марина баюкала её, как ребёнка. Вскоре опухла вся рука – от пальцев до плеча – и тоже вся стала красной. Тут уж Марина испугалась. Не лишиться бы руки совсем. Но сессию всё же сдавать можно! Руку спасли. Поликлиника Генштаба все-таки. Сессию Марина сдала всю на «отлично». Даже по физкультуре выставили «5», хотя этого предмета в экстернате не было. Получила отличный аттестат. Ради этого можно и помучиться.

Слова Вики о нечуткости так глубоко запали в душу Марины, что она постоянно мысленно возвращалась к ним. И думала уже не о том, следует или не следует страдать, а о том, – как! И тут подвернулась идея. Марина случайно попала в театр на пьесу «Чужой ребенок», даже не задумываясь, что именно идёт смотреть (оказалось – мелодраму). По пьесе, девушка затруднялась сделать выбор между дву-

мя поклонниками и, чтобы проверить их чувства к ней, выдумала, что она беременна и ждёт ребёнка. Один из поклонников, младше по возрасту, страдал и мучился, другой, постарше, прочёл дневник девушки, понял, что это выдумки, и сразу предложил ей руку и сердце.

В ЦРУ, да и вообще в военном городке, было много молодежи. Разумеется, были и молодёжные развлечения. Без танцев в клубе не проходил ни один вечер. А где танцы, там и флирт, а где флирт – там и романы. А порой и семьи складывались. Первая семья старшего лейтенанта Бородули и его невесты Лены возникла на передающем центре. Ох, и пришлось же им помучиться! Оба офицеры. Офицер в армии имеет право жениться – не монастырь ведь, армия. Но обязан доложить об этом начальству рапортом. Они и доложили. А начальство категорически не рекомендовало. Почему? И кто его знает. Начальство своё решение объяснять не обязано. Их урезонивали всячески, чем только ни грозили! Даже отправкой на фронт в разные стороны. Но они выстояли, и никуда их не отправили. После этой первой выстраданной свадьбы семьи стали возникать косяком и на передающем, и на приёмном центре. Следующим было легче – им не запрещали. Некоторые пары, наиболее приметные среди общей массы сотрудников, вызывали особенные симпатии окружающих. Так, весь приёмный центр переживал за старшего лейтенанта Лихо и девушку Паню. Оба очень высокие, стройные, красивые – лучшей пары и представить невозможно. Паня была вольнонаёмной, работала на телетайпе. Когда они сыграли свадьбу, пожелание счастья было всеобщим.

На танцы в клуб ходили целыми компаниями. Однажды, приглашая молодых людей в клуб, Марине случилось нарваться на нелепую и смешную неприятность. Девушки собирались на танцы. Марина вышла из дома и столкнулась с группой знакомых младших лейтенантов. Они стояли и разговаривали с майором Скляровым, начальником их курсов. Ей хотелось пригласить ребят на танцы. Но как? В

присутствии старшего начальника она обязана обратиться сначала к нему и спросить его разрешения обратиться к младшим по званию: «Товарищ майор, разрешите пригласить на танцы ваших подчиненных младших лейтенантов». Такая фраза её смущала – танцы все-таки, а не служба. И она сказала: «Товарищ майор, пойдёмте на танцы». Она вообще не имела в виду самого майора, просто звала всю компанию. Тоже, видно, неудачная фраза. Произошло некоторое замешательство. Возможно, Скляров подумал, что она рассчитывала танцевать именно с ним.

Позднее Марине передали, что жена майора Склярова обещала ей неприятности, если она станет приставать к её мужу. Где ей, гражданскому человеку, знать тонкости военной субординации? Марине, наверное, надо было пойти к даме извиниться и объяснить, как всё было, да не догадалась.

Среди младших лейтенантов, стоявших с майором Скляровым, был молодой человек, с которым Марина дружила. И ещё один, к которому Марина действительно была равнодушна, но которому нравилась другая девушка. Вот этому-то своему поклоннику Марина и назначила роль невольного зачинателя её будущего страдания, к чему склонила её Вика. Каково будет при этом молодому человеку, Марина не думала. На это её не хватило. В самом деле, не чуткий человек. Идею страдания она подцепила из пьесы «Чужой ребенок». Но там героиня выдумала свою беременность, а Марине это не годилось: быстро раскроется, что это враки. Она видоизменила идею. При очередном свидании Марина выложила своему поклоннику, что она уже не девушка, что когда она была в отпуске на экзаменационной сессии, то тогда сделала аборт. Парень, конечно, был ошарашен. Марина рассчитывала, что он всем это расскажет, о ней пойдет дурная слава, её все станут презирать, и она будет страдать.

Но, увы, Марина характер не выдержала и через некоторое время призналась тому, кто ей по-настоящему нра-

вился, что она возвела на себя напраслину и что всё это враки. Но он ей не поверил. Да и трудно поверить подобной нелепости. Может быть, для тех сплетен, которые должны были вспыхнуть вокруг Марины, две взаимоисключающие версии даже лучше – больше интерес.

Но страдания не получилось. Никто ни разу не бросил в неё камень. Что уж там говорили между собой молодые люди, она, конечно, не узнала. Но никакого порицания, а тем более остракизма в части она не испытала. Страдания не получилось. Спросил её об этом Сергей Леонидов через несколько лет, когда она уже служила на передающем центре. Он спросил прямо: «А правда, у тебя в жизни была какая-то трагедия?» – Марина растерялась. Она напрочь забыла о своей дурацкой выдумке и промямлила что-то невразумительное. Уже много-много лет спустя Марина поняла, что тот человек, который ей нравился на передающем центре и, как ей казалось, кому она тоже вроде была небезразлична, вероятно, знал об этой выдумке и верил ей. По крайней мере, он не делал попытки за ней ухаживать, хотя сослуживцы говорили и ему, и ей, что они были бы хорошей парой. Вот так аукнулись Марине Викины наставления. Но страдания так и не получилось. В итоге чуткости не прибавилось, но сомнения всё же малость поубавилось. Спасибо Вике хоть за это.

Самой Вике Марина об этой истории не обмолвилась ни словом. Дружба их не прекращалась в течение всей жизни, хотя работали они в разных местах и виделись редко. Марина всегда относилась к Вике с большим теплом и уважением. Родители Марины тоже.

Работа на центре, конечно, была напряжённая, но коллектив с ней справлялся. Умели и отдыхать. Какие на центре бывали праздники! Веселились от души, и никогда никакого «перебора»! Да случись с кем такое, на другой же день и духу бы его там не осталось. Элитная часть!

На территории части стояло кирпичное крепенькое двухэтажное здание. В нём на первом этаже располагалась

столовая, а на втором – клуб, где собирались собрания, крутили кино, там же устраивали праздники. Конечно, сначала – официальная часть, приветствия, если к сроку, доклад о текущем моменте, как тогда было заведено. А потом – самодеятельность. Её любили и ждали. Голоса у певцов – чудо. После демобилизации одна певица поступила в хор Пятницкого, наверное, самый лучший и известный хор страны. Читали стихи, танцевали, разыгрывали маленькие сценки, скетчи, как их называли.

В этих сценах блистала одна из девушек-офицеров, Соня Бобылева (Бухвалова). Ее даже прозвали Соня-артистка. До армии Соня работала на авиационном заводе, большом, богатом. При заводе была вечерняя школа и даже свой любительский театр. Он выезжал с концертами даже в другие города. Соня поступила в вечернюю школу, а участницей любительской труппы театра стала уже в 16 лет.

Когда она попала в армию, то сумела организовать два концерта заводского театра в клубе приёмного центра ЦРУ. Успех был громадный. В зале даже не хватало мест. Оба раза Соня выступала в роли администратора, утрясала всякие организационные вопросы, даже обед для артистов. Всё прошло очень удачно.

Но главным украшением концерта был конференсье Петр Григорьевич Карабанов (Петя). Его принимали особенно горячо. Да и было за что. Петины реплики на сцене – это всегда остроумно, точно, весело, весомо, не в бровь, а в глаз. Он мог изобразить на сцене такое, что зал покатывался со смеху. Однажды изобразил как бы балетный этюд, который назывался «Люблю есть блины». Вроде бы, чего общего – балет и блины? Кроме начальной буквы в словах – ничего. Но Петя обыграл так, что на всю жизнь запомнилось.

Марина тоже принимала участие в этих концертах. Как же без неё? Читала со сцены стихи. Но после того, как Валия Короткова сказала Марине: «Читаешь ты плохо. Стихи эти все знают, со школьных лет запомнили, так что ничего

нового нет, ничем не удивишь. А голос слишком высокий и маловыразительный со сцены. Больше не читай», – Марина выступать перестала.

София Бобылева (Бухвалова)

Петр Карабанов

После концерта всегда был банкет. Для него предназначались особые развлечения. Кто-то из редколлегии стенгазеты придумал веселить публику, введя в зал двух необычных персонажей – оракула и гадалку. Они ходили по залу и предсказывали судьбу. Оракул – в костюме звездочёта с высокой шляпой, усыпанной звёздами, а гадалка – в цыганском наряде. Оракул подходил к заранее намеченному человеку, хотя этого человек не знал, и в стихах предсказывал ему судьбу, а к гадалке мог подойти любой желающий и сам вытащить у неё из шкатулки своё будущее. В шкатулке находилось множество билетиков, на которых и написано множество вариантов ожидающей человека судьбы. И прорицания оракула, и билетики гадалки готовились, разумеется, заранее. Марина перелопачивала горы художественной литературы, выискивая ходовые выражения, коротенькие стишки, пословицы и поговорки. Потом это распечатывалось на отдельные билетики.

Литературный зуд не давал Марине покоя с юности. Со школьных лет её тянул к себе лист писчей бумаги. В ЦРУ, кроме стенгазеты, Марина выпускала боевой листок в своей смене, и однажды засветилась даже в управлении.

В стенгазету писали и корреспонденты. А боевой листок Марина, как правило, готовила сама, выбирая темы для заметок по своему разумению. И однажды натворила такое... Написала о недостатках в части, покритиковала народ, хотела призвать к порядку. Вот, мол, ключи Морзе у нас в кабинах все разболтаны, закреплены плохо, работать трудно. Стулья там шатаются, даже садиться страшно, того и гляди, под тобой развалятся. А в столовой очереди, тарелок не хватает. Неужели уж посуды-то добавить трудно. И всё в таком духе. Прочёл это комиссар майор Вепрев, боевой листок снял и вызвал Марину.

– Что же вы, товарищ младший лейтенант? Вы комсомолка, вас облекли доверием, предоставили выпускать боевой листок – первичный орган печати в армии, призван-

ный вести идеологическую пропаганду, мобилизовывать массы на максимально напряжённую работу во имя будущей победы, создавать творческую атмосферу, приветствовать патриотизм. А у вас что получается? Прочтёшь такое и подумаешь: бежать надо из этой части куда глаза глядят. Как же это?

– Но это же всё – правда!

– А куда она зовёт, ваша правда? Не о правде надо в первую очередь думать, а о том, как ваша заметка на работе отразится. Ваша задача укреплять ряды связистов, а не разваливать их.

– Почему же это я их разваливаю?

– Да потому, что ориентируете не на то, что надо. Я же сказал вам: прочтёшь, и хоть беги из такой части.

– Я же не призываю бежать!

– А у вас получается, что призываете. В общем, хватит, я все сказал. Перепишите боевой листок, и чтобы этого больше не было.

Хоть и недолюбливала Марина комиссара, но, поразмыслив хорошенько, поняла, что майор Вепрев прав. Все эти недостатки, которые она, собрав в кучу, так лихо расписала, – результат работы самих операторов. Ключи Морзе разболтаны потому, что в случае непонятливости корреспондента оператор в ярости колотит кулаком по ключу так, что чуть не разносит его в щепки. Техническая служба не успевает ключи подвинчивать, а то и менять. Стулья ненадёжны – тоже операторы виноваты. Сидя долгими часами на контроле или на длительной связи, оператор устаёт и, чтобы сменить положение, покачается на стуле минут пяток. Один покачался, другой покачался – стулья-то и не выдерживают. А что в столовой тарелок не хватает, так мы же сами их по общежитиям растаскиваем. Даже с разрешения повара. Случается, кому-то надо еду отнести. Отнести-то отнесём, а вот всегда ли обратно тарелки приносим? Конечно же, нет. Вот и не хватает посуды.

Марина боевой листок переписала на другом бланке –

они стандартные. Речь в новой заметке шла о тех же недостатках, но дух статьи был иной – мобилизующий, как и требовал комиссар. И чётко указаны причины недостатков. Окончив работу, Марина вывесила новый боевой листок на прежнее, предназначенное ему место. Майор Вепрев, увидев новый листок, взъярился окончательно. Комиссар листок сорвал и потребовал Марину на расправу. Тут уж он был просто взбешён. Как она посмела послушаться!

Никакие Маринины объяснения до него не доходили. Он кричал на Марину, не пытаясь взять в толк, что она выполнила его требование и переписала боевой листок. Она попыталась робко вставить словечко:

– Товарищ майор, вы не правы, это другой боевой листок.

– Что?! И вы, младший лейтенант, смеете мне говорить, что я не прав!? Комиссар не может быть не прав.

Он кричал, стучал кулаком по столу, брызгал слюной.

Тут уж разозлилась Марина.

– А вы знаете, что вас здесь дураком считают?

Он опешил, а потом выкрикнул:

– Покиньте мой кабинет!

Она пулей вылетела из комнаты.

Слова Марины не были случайны. Конечно, в этом случае она зарвалась, но майор Вепрев явно не подходил к должности, на которой он оказался. Он не был связистом, раньше служил в пехоте, в связи ничего не смыслил. А связисты всё же некие армейские интеллектуалы. Их уровень достаточно высок, они много знают, тем более связисты ЦРУ Генштаба. Майор Вепрев, вероятно, это чувствовал и пытался как-то наладить контакт с операторами, только у него мало что получалось.

Он заходил на молодёжные посиделки, которые часенько собирались в офицерских общежитиях, как правило, в женских, но приходили и молодые люди. На посиделках болтали, шутили, вспоминали сослуживцев, судачили о знакомых, рассказывали случаи из жизни. Изредка кто-то

предлагал карты. Порой рассказывали анекдоты, но нравы были строгие, никогда никаких двусмысленностей, а тем более грязи в анекдотах не допускалось. Особенно строги были юноши. Однажды Марина приехала из дома с накрашенными ногтями. И лак-то был бесцветный, прозрачный, только что блестел, но Юра Власов, Вася Головков и Юра Добрынин дружно осудили Марину. А она еще их подразнила: «А я вот еще губы крашу». – Тогда мальчишки (иначе не скажешь) поставили ей ультиматум: «Будешь краситься – мы тебе губы оборвём и ногти отрубим».

Через несколько лет, когда многие обзавелись семьями, а то и детьми, и в гарнизоне появились бабушки, выхаживавшие внуков, одна из них, мама Тани Игнатовой, заметила: «У вас здесь всё так тихо, спокойно, благостно, будто божий уголок, а не воинская часть».

На посиделках прямо в комнате, бывало, и танцевали. А одно время увлеклись игрой в «бутылочку». Это – игра с поцелуями. Играющие располагаются по кругу. В середине – водящий. У него в руках бутылка. Он кладёт её на пол и вращает. Покрутившись, бутылка останавливается; на кого укажет горлышко бутылки, с тем водящий целуется и передаёт своё место и бутылку новому водящему.

Майор Вепрев тоже играл с молодежью в «бутылочку». Целоваться с ним было особенно неприятно. Он, возможно, думал, что это сближает его с молодыми. На самом деле он терял последний авторитет. Не комиссарское это дело – играть в «бутылочку».

Скандал с боевым листком отнюдь не забылся. Комиссар доложил о бунте Марины в управление, и вскоре её вызвали туда. Конечно, дерзость была неслыханная, однако Марина ехала в управление с интересом, но без страха. Её встретили три строгих величественных инженер-полковника. Посадили за стол, сами расположились напротив. Начали допрос.

Они, видимо, искали крамолу, а то и измену внутри такой законспирированной части, как ЦРУ. Помимо того,

что это было чрезвычайно опасно, могло быть и просто позором. Инженер-полковники довели Марину до слёз. И она выложила всё: и про боевой листок, и про стенгазету, и про учёбу, и даже про «бутылочку».

Юрий Власов

Юрий Добрынин

Никаких неприятных результатов для Марины не последовало. Её просто оставили в покое. А вот комиссара сменили и вместо майора Вепрева прислали подполковника (фамилия забылась), куда более образованного и развитого. Человек он был умный, начитанный, выдержанный. Учиться Марине не запрещал, а считал её учёбу делом государственным и требовал, чтобы она отчитывалась за свои учебные дела перед комитетом комсомола. Но это было не так уж страшно. К тому времени Марина окончила десятилетку с отличным аттестатом и поступила учиться в заочный институт связи. Она наводила справки о военной Академии связи в Ленинграде и поняла, что академия является более высоким учебным заведением, чем вуз. Там учатся уже после института, получая, в сущности, второе высшее образование. Так что тема академии отпала, а от

морской карьеры Марина отказалась сама. И хорошо сделала, как вскоре оказалось. Почти сразу после демобилизации из армии у неё обнаружили открытую форму туберкулеза. Что бы она делала с такой болезнью в морском училище? Вылетела бы со свистом. Вот уж тогда горечь разочарования обернулась бы настоящей трагедией. И хотя здоровье со временем выправилось, но на флот всё равно бы не взяли.

Вскоре после поступления в институт связи Марина подала рапорт начальству с просьбой перевести её на передающий центр. Рапорт удовлетворили. Это была уже прямая специальность по обслуживанию техники связи. При этом и жила Марина теперь постоянно дома, несмотря на сменную работу. Передающий центр находился в Москве. Меньше стала тратить времени на дорогу, больше оставалось для занятий.

Война закончилась. Примерно через год Марина демобилизовалась и перешла на учебу в очный институт связи. А память о ЦРУ осталась на всю жизнь, остались друзья и жизненный опыт, помогавший ей всегда, всюду и везде неизменно до конца дней. Спасибо армии!

ЭПИЛОГ

Между прочим, Марина всё-таки имела шанс попасть в партизаны. Но она этот шанс бездарно прошляпила. А в результате получилось такое...

Однажды на центре появился какой-то новый офицер. В смены он не ходил, что делал – неизвестно. Марина на него и внимания не обратила.

Но этот человек пригласил Марину в начальственный кабинет, по-хозяйски расположился за столом напротив Марины и сразу сказал:

– Мы хотим вас направить в командировку.

Первая мысль – куда? Но об этом не спрашивают. А знать бы хотелось. С приёмного центра, случалось, отправляли радистов в командировки, но, как казалось Марине, в основном в спокойные места – в посольства, в штабы союзных держав. А недавно три девушки – Катя Антипова (Железнякова), Маша Тюрина (Гусева) и Тоня Филимонова – попали чуть ли не в рай земной. Они обеспечивали связью Тегеранскую конференцию трех руководителей союзных держав – Сталина, Рузвельта, Черчилля. В заснеженной скудной военной Москве они представить себе не могли такого благополучия, в котором оказались. Вот такая командировка. Поэтому она ответила так:

– Я, конечно, готова ехать, куда надо, но я учусь в школе и хотела бы кончить 10-й класс. И мне не хотелось бы бросать школу ради благополучной жизни за рубежом вроде Тегерана.

Какая глупышка Марина! Уже несколько лет работала в разведке и всё еще не поняла, что ни «да», ни «нет» ей ответить невозможно. В любом случае – рассекречивание предложения. Офицер промолчал, посмотрел на Марину с осуждением и отпустил её.

Видно, прав был майор Вепрев, когда утверждал, что военному человеку учиться не следует.

Через несколько дней ровесница и подруга Марины

Светлана Сёмина перестала ходить на работу в смену. Она как-то отделилась от остальных, стала молчаливой, замкнутой и занялась каким-то своим делом. Марина поняла, что Света готовится к отъезду, вероятно, вместо неё.

Некоторое время спустя молодой человек, который нравился Марине, предложил ей тоже поездку за рубеж вместе с ним. Но Марина опять отказалась, ссылаясь на учебу.

Светлана Семина

Света уехала. Вскоре прислала письмо. Потом ещё несколько писем. Марина отвечала. Даже книгу ей туда выслала. По намёкам поняла, что Света оказалась в партизанском отряде.

А потом... потом Светлана Сёмина погибла. Где? Когда? Как? Марина так и не узнала. Но всю жизнь у неё на сердце лежит камень.

Я никому об этой истории не рассказывала. Это признание – моё покаяние.

Эдда Меньшенина

ПАРТИЗАНСКАЯ РАДИОГРАММА

*Я в атаку не ходила
И не ползала в снегу,
У приёмника следила
За ударами врагу.*

*Ночь насквозь одна в кабине,
Пересиливая сон,
Тупо брежу позывными
Сквозь эфирный лай и звон.*

*Чуть дыша, веду настройку,
За волной слежу волну...
Хоть на час прилечь на койку,
Хоть на миг отдаться сну.*

*А в тылу немецком звонко
Коченеющей рукой
Моя сверстница-девчонка
Отбивает позывной.*

*На кустах висит антенна,
Скрыта рация в снегу,
Ключ на согнутых коленях
И граната на боку.*

*Посыпаюсь понемножку,
Сон стряхнула: "Начинай!"
Вдруг сигналил: "Здесь бомбежка,
Окружение, прощай!"*

ЭДДА МЕНЬШЕНИНА

Мечта за горизонтом

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
РЕЙДЫ НАШЕЙ ЮНОСТИ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	123
ОТДЕЛЬНЫЙ РАДИОБАТАЛЬОН	125
ТЫЛОВАЯ ЧАСТЬ	155
ЭПИЛОГ	220

В книге использованы фотографии из архива Э. Меньшениной

Издательская группа:

Редактор В. Богданов

Литературный редактор

Т. Кузнецова

Корректор Н. Гераскина

Сдано в набор 3 июня 2008 г.

Подписано в печать 25 июня 2008 г.

Формат 60x84/16

Объем 14 усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Печать офсетная.

Бумага офсетная.

Заказ № 1462

Отпечатано в ГУП МО “Коломенская типография”
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а

Издатель – ООО “ФЕНИКС ПЛЮС”
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ